

Одна ночь в Венеции

Автор:

[Валерия Вербинина](#)

Одна ночь в Венеции

Валерия Вербинина

Амалия - секретный агент императора #16

Отходя от дел, баронесса Амалия Корф, бывший секретный агент российского императора, решила наконец-то пожить в свое удовольствие. Но мечтам об отдыхе не суждено было сбыться! Жестокое убийство графа Ковалевского нарушило безмятежное течение ее жизни. За несколько часов до гибели граф крупно повздорил с Михаилом, сыном баронессы Корф, который в запальчивости пообещал его убить... Михаил стал главным подозреваемым - у него не оказалось алиби. Сын клялся, что никого не убивал, но наотрез отказывался рассказать, где он провел ту ночь. Амалия начала собственное расследование и сразу поняла - в этом деле замешана прекрасная женщина...

Валерия Вербинина

Одна ночь в Венеции

Роман основан на реальных событиях

Глава 1

Царство кудесника

К дому номер 21 по рю де ля Пэ подъехал большой красный автомобиль и не без труда сумел припарковаться в веренице машин и колясок, стоящих вдоль тротуара в несколько рядов. Из автомобиля вылез грузный господин в очках и помог выбраться своей спутнице – прелестной молодой женщине в каштановых кудрях, выбивавшихся из-под высокой шляпки, украшенной цветами. Ее нежное оживленное личико являло странный контраст с огромными, бездонными, почти черными глазами, которые оставались грустными даже тогда, когда она улыбалась, а ресницы были такие густые и длинные, что любая нынешняя кинозвезда умерла бы от зависти. Светлое платье молодой женщины было того иллюзорно простого фасона, который дается только очень хорошим портным и при неумелой попытке скопировать его тотчас же превращается в тусклую непритязательную тряпочку. На тонких пальчиках незнакомки красовалось несколько дорогих жемчужных колец, которые, однако же, ровным счетом ничего не могли прибавить к цветущей прелести их обладательницы.

Что касается спутника незнакомки, то достаточно будет сказать, что он был раза в два старше сопровождавшей его красавицы и в доме под номером 21 его прекрасно знали. По крайней мере, мадемуазель Беттина, всегда сидевшая на первом этаже возле окна, из которого были прекрасно видны все, кто направлялся к зданию, тотчас же сняла с рычага трубку телефона и позвонила вверх, своему патрону месье Дусе, и доложила:

– Месье, тут турок со своей одалиской. Вы примете их сами или ими займутся продавщицы?

Жак Дусе тихо вздохнул. Он был против того, чтобы в его модном доме – одном из лучших в Европе, кстати сказать, – клиентов награждали кличками, но попробуйте-ка привить уважение к клиентам языкастым продавщицам, которые всех покупательниц видели, можно сказать, без ничего и знали наперечет их недостатки, равно как и мельчайшие подробности их жизни. Так, некая особа королевских кровей, сама того не зная, для служащих дома номер 21 превратилась в «ворону», потому что всем цветам предпочитала черный, русская княгиня, чья худоба могла поспорить только с ее же высокомерием, получила прозвище «драная кошка», а газетный магнат и известный бабник Жозеф Рейнольдс, родившийся в Константинополе, именовался не иначе, как «турок» и «синяя борода». И это, уверяю вас, еще цветочки. Некоторые клички не доходили до ушей хозяина, между собой же служащие и закройщицы давали себе волю и не щадили ни своих родовитых клиенток, ни тех, кто оплачивал их счета. К примеру, в помещениях модного дома можно было услышать такой

разговор:

– Лоло, поаккуратнее с платьем мадемуазель Лианы. В этом году она не ездила в Виши и наверняка прибавила в талии.

– Рассказывай! – фыркает Лоло. – Ее бросил граф де Р., так что у нее появился отличный повод похудеть.

Или:

– Франсуаза, что вы столько возитесь со шлейфом для платья герцогини Г.?

– Так у нее зад, как рояль, – ворчит закройщица, – только клавиш не хватает, чтобы давать представления на сцене... полные залы могла бы собирать...

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

Родовитая герцогиня вмиг обретает прозвище «рояль», и когда ее автомобиль в следующий раз появится на улице Мира, Беттина будет докладывать о ней патрону или заменяющей его старшей продавщице так:

– К нам пожаловал рояль со своей левреткой.

Кстати, поясним: «левреткой» служащие окрестили секретаря и по совместительству любовника герцогини, который действительно чем-то напоминал эту собачку.

Впрочем, сейчас речь вовсе не о герцогине, а о богаче Рейнольдсе, который завел очередную пассию и привел ее в самый утонченный, самый изысканный, самый роскошный парижский модный дом. Определенно, такой клиент стоил того, чтобы к нему вышел сам хозяин, однако месье Дусе не торопился с ответом.

– Баронесса Корф еще не приехала? – спросил он наконец.

- Нет, месье, она опаздывает.

- Тогда проводите месье Рейнольдса и мадемуазель Лантельм во вторую примерочную, и пусть к ним подойдет мадам Флерон.

- Но мадам Флерон занята в третьей примерочной.

- Тогда мадемуазель Бланш.

- Она помогает мадемуазель д'Арти с платьем к новой пьесе. - Беттина немного поколебалась: - Если вам угодно, я могу...

- Нет, вы мне нужнее на своем месте. Мадемуазель Вионне свободна?

- Да, но... - Беттина распрямилась на стуле, не веря своим ушам. - Вы хотите, чтобы мадемуазель Вионне занялась мадемуазель Лантельм?

- Именно так, моя добрая Беттина.

- Месье, простите, но я не могу согласиться. Это верный способ отпугнуть клиентку! Мадемуазель Вионне и ее наряды...

Месье Дусе добродушно рассмеялся.

- Почему-то никому из вас не нравятся наряды мадемуазель Вионне... Довольно споров. Пошлите ее к мадемуазель Лантельм и предупредите меня, когда появится баронесса Корф.

По тону патрона стало понятно, что возражать бесполезно.

- Хорошо, месье... Конечно, месье.

Беттина послала младшую продавщицу за мадемуазель Вионне и, вопреки распоряжению хозяина, отправилась лично встречать вновь прибывших. Рейнольдс, блестя стеклами очков, улыбался и гордо косился на свою любовницу, не обращая внимания на изумительную мебель XVIII века,

изысканные консоли и старинные зеркала, которыми Дусе, поклонник той эпохи, щедро обставил свой модный дом.

– Прошу, мадемуазель, сюда... Ваш портрет на обложке последнего номера «Моды» просто великолепен! А ваша новая пьеса... Я была на представлении, вы так проникновенно играли, просто чудо! – рассыпалась в комплиментах Беттина. – «Париж – Нью-Йорк» в театре Режан, верно? Ну конечно же! Такая забавная комедия!

Мадемуазель Лантельм любезно улыбалась, но по лицу актрисы Беттина поняла, что та ей не верит.

«Мою роль на репетициях сократили до одной-единственной сцены», – усмехнулась про себя красавица Лантельм. Ну да, ведь, не дай бог, она бы затмила стареющую примадонну Режан, которая верховодит в театре... Ох уж эти старухи, которые везде норовят всем заправлять, и эти невыносимые старики! Актриса украдкой метнула взгляд на Рейнольдса. Для своих лет тот выглядит еще прилично, хотя ей отлично известно, что на самом деле ее спутник форменная развалина. Приступы астмы, головокружение, на которое он иногда жалуется, звон в ушах... Если бы не его деньги и связи в театре, которые ей еще нужнее денег... Взгляд упал на зеркало, в котором отражались они оба и рядом тоненькая фигурка что-то щебечущей седовласой мадемуазель Беттины. Но Лантельм смотрела только на себя и своего сопровождающего. Красавица и чудовище, да и только! Но вот позади растворилась дверь, и актриса, инстинктивно обрадовавшись появлению нового лица, поспешно повернулась к нему.

На пороге стояла мадемуазель Вионне, новая служащая Дусе. Простая прическа, простая одежда, никаких украшений. Взгляд умный, пытливый, лицо приветливое, но в то же время какое-то замкнутое.

Занятно, но факт: что Поль Пуаре, что Мадлен Вионне, будущие знаменитые модельеры, оба начинали у Дусе. И обоих старые служащие встретили в штывы. От Пуаре они в конце концов сумели избавиться, но на смену ему явилась эта молодая женщина, которая начала работать в четырнадцать лет и с тех пор успела постичь все тонкости своего ремесла. Хотя она всегда была любезна и в отличие от ершистого Пуаре ни с кем не ссорилась, продавщицы инстинктивно чуяли в ней нечто враждебное, инородное, чуждое модному дому Дусе с его устойчивыми традициями – струящиеся шелковые платья и пастельные

полутона. Смелые эскизы Марлен повергали их в трепет, и сейчас Беттина не без злорадства предвкушала, как мадемуазель Лантельм – а продавщица уже успела заметить, что характер у актрисы тот еще! – устроит во второй примерочной маленькую бурю, после которой месье Дусе, пожалуй, будет вынужден дать «этой нахалке Вионне» расчет. Поэтому улыбка мадемуазель Беттины, когда она представляла друг другу новую служащую и актрису, была особенно сладкой.

– Вам угодно туалет для представления, мадемуазель? – спросила Мадлен.

– Нет, я... – Лантельм запнулась. По правде говоря, идея заехать к Дусе принадлежала Рейнольдсу, но ей не хотелось говорить об этом. – А что у вас есть интересного?

– Я могу показать вам эскизы, – оживилась Вионне.

Если бы это зависело только от мадемуазель Беттины, она бы осталась и с удовольствием послушала, как Лантельм поставит на место новую служащую с ее несуразными моделями. Но тут в дверь негромко постучали, и вслед за тем в примерочную просунулась набриолиненная голова месье Поля, одного из служащих. На физиономии его было написано живейшее недовольство.

– Мадемуазель Беттина, там баронесса Корф...

– Ах, боже мой! – тихо вскрикнула Беттина и бросилась к выходу. – Скорее предупредите патрона!

Позже месье Поль уверял, что пятидесятилетняя дама промчалась на каблуках по лестнице, ведущей на первый этаж, так быстро, словно за ней гнались черти, собирающиеся силой надеть на нее одно из платьев мадемуазель Вионне. Впрочем, сбжав с лестницы, мадемуазель Беттина на мгновение остановилась, прижав ладонь к груди, и двинулась дальше уже обычным шагом. Одновременно она поторопилась изобразить на лице самую приветливую из своих улыбок, ибо эта дама в совершенстве владела трудным искусством придавать ему по желанию любое выражение, как бы надевать маску, точно так же, как другая, к примеру, надевает перчатки.

– Госпожа баронесса! Как мы рады вас видеть! И мадемуазель тоже с вами? Надо же, как она повзрослела! Луиза! Луиза!

Госпожа баронесса – красивая блондинка средних лет – только улыбнулась, а девочка семи лет, которую она держала за руку, порозовела и опустила глаза.

На зов Беттины тотчас же явилась Луиза, служащая модного дома, которой вменялось в обязанности заниматься детьми клиентов, коих те приводили с собой. Обычно Луиза мастерила для них из обрезков ткани чудесных тряпичных кукол, но маленькая Ксения была ее любимицей, и специально к сегодняшнему визиту Луиза сшила для нее из разноцветных кусочков бархата ящерицу с глазами-бусинками и хвостом, свернутым спиралью. Ксения приняла подношение с видом благодетельной принцессы, у которой и так хватает подарков от признательных подданных, но из учтивости она никогда этого не покажет.

Тем временем из своего кабинета спустился местье Дусе, предупрежденный Полем. Хозяин приветствовал баронессу и, отослав Беттину, лично проводил гостью в первую примерочную. Та, как и все другие примерочные, представляла собой небольшие апартаменты, где имелись собственно кабина для примерки, салон для просмотра моделей и уголок, в котором могли скоротать время спутники клиентки – так как ждать им порой приходилось очень долго.

По размерам каждой из клиенток в модном доме делался специальный манекен, на котором подгоняли платье. Но когда наступало время примерки, вдруг выяснялось, что дама прибавила несколько сантиметров тут или там, либо, наоборот, похудела, либо деталь, которая выглядела красиво на эскизе и манекене, ей самой совершенно не идет. Нередки были и случаи, когда клиентка требовала переделок в последнюю минуту – добавить или убрать шлейф, изменить вышивку, удлинить или укоротить рукава, а уж о бессмысленных женских капризах любой модельер мог бы написать тома воспоминаний. Поэтому, когда Амалия в сопровождении Ксении, хозяина дома и Луизы вошла в первую примерочную, ее там уже ждали младшая продавщица мадемуазель Гренье с платьем и мадемуазель Оберон, в чьи обязанности входили как раз такие переделки.

Ксения уселась в уголке со своей ящерицей, возле нее устроилась мадемуазель Луиза, а Амалия удалилась в примерочную кабину в сопровождении мадемуазель Гренье, которая должна была помочь ей облачиться в новое платье. Месье Дусе и мадемуазель Оберон остались в салоне.

– Думаю, все будет хорошо, – сказала мадемуазель Оберон вполголоса. – Со своего прошлого визита к нам она ни капли не изменилась.

Месье Дусе ничего не ответил и приготовился ждать, когда баронесса выйдет.

Жак Дусе родился в 1853 году, и сейчас, в 1907-м, ему было уже пятьдесят четыре года. Седоволосый, с белоснежной бородой и усами, он выглядел как патриарх, держался с невероятным достоинством и при этом одевался с безупречной элегантностью, оставлявшей далеко позади молодых денди. Еще при Наполеоне, в 1811 году, его предки основали дело, которое Жак с успехом продолжил, но если прежние хозяева занимались в основном кружевами и мужскими сорочками, он куда больше внимания уделял женской одежде и вскоре, благодаря своему вкусу и коммерческому чутью, сумел выдвинуться в первые ряды модельеров прекрасной эпохи. Месье Дусе одевал аристократок и актрис, куртизанок и жен богатых буржуа, и к каждой из дам этих категорий сумел найти свой подход. Созданные им наряды были женственны, восхитительны и элегантны, а его дом стал настолько знаменит, что нынешний его патрон мог себе даже позволить пренебрегать рекламой. Но, потратив массу времени и усилий на то, чтобы занять свое место под солнцем, добившись богатства, процветания, славы и сделав себе имя, он вдруг почувствовал, что ему все опостылело. Проще говоря, месье Дусе разлюбил свое дело.

Да, разлюбил – не моду как таковую, не искусство создавать красоту, но именно то, что приносило ему доход. Потому что достаточно насмотрелся на родовитых герцогинь, которые вели себя с ним, как обыкновенные базарные хамки. И даже хуже. Ведь любая базарная торговка была бы счастлива, получив от него платье, а эти любые усилия принимали как должное и не ценили ничего. Ему опротивели узколобые мещанки, высокомерные иностранные княгини, капризные актрисы, модные парижские потаскушки, их содержатели, мужья, друзья, любовники, альфонсы. Со всей этой шушерой надо было находить общий язык, подлаживаться под их интересы и нравиться, нравиться, нравиться без конца, иначе клиенты переметнутся к Вурту, к Пакэн, к сестрам Калло, к Редферну... да хотя бы к тому же Полю Пуаре, его бывшему служащему. Дусе почувствовал, что устал, что все ему безмерно надоело.

Мало-помалу он переложил свои обязанности на помощников, оставаясь во главе дела и осуществляя общее руководство, и теперь посвятил себя тому, что было намного интереснее – коллекционированию предметов искусства и собиранию

книг. Что же до моды, то к ней он почти охладел. Месье Дусе правил эскизы своих помощников, но с клиентками встречался редко, ссылаясь на чрезвычайную занятость. Оставалось, впрочем, несколько исключений – женщины, для которых он по-прежнему создавал платья с удовольствием. Одной из таких женщин была баронесса Амалия Корф.

Амалия всегда интриговала Дусе. За свою карьеру он перевидел немало самых разных людей, но эта блондинка с золотистыми глазами всегда ставила его в тупик. Прежде всего она не принадлежала ни к одной из известных ему категорий. Аристократка по титулу, баронесса не разделяла привычек и убеждений аристократии, и балы, охоты, скачки, званые вечера для нее мало что значили. При всем при этом было известно, к примеру, что она на «ты» не с кем-нибудь, а с вдовствующей императрицей Евгенией – факт, который чрезвычайно удивлял аристократов, знавших жену Наполеона Третьего. Свои платья баронесса Корф всегда оплачивала сама, из чего напрашивался вывод, что она богата. Однако за ней не вырисовывалась тень семейного дела или большого наследства. Злые языки уверяли, что Амалия авантюристка и чуть ли не шпионка, но никто не мог сказать ничего определенного. Женщина явно была умна, и вырывавшиеся у нее замечания показывали, что она хорошо знает жизнь и не обольщается ни на чей счет, но это опять-таки ничего не доказывало.

В конце концов месье Дусе смирился с тем, что какую бы загадку ни таил в себе этот золотоглазый сфинкс, ему не под силу разгадать ее. Хозяин модного дома и его клиентка разговаривали об искусстве, о театре, о моде, он создавал для баронессы изысканные туалеты, демонстрировал ей свои новые приобретения и несколько раз в год получал приглашения отобедать в ее парижских апартаментах – на правах друга семьи, потому что званых обедов Амалия Корф почти не устраивала. Ему импонировали ее независимость и чувство юмора, редкое для женщины. Кроме того, она была хороша собой, прекрасно сложена, и придумывать для нее наряды было удовольствием, тем более что за свои заказы дама всегда платила точно в срок.

Услышав шуршание шелковых оборок, Ксения с любопытством подняла голову. Из кабинки показалась ее мать, за которой следовала мадемуазель Гренье, на ходу поправляя какую-то складку на наряде клиентки. Дусе, прижав к губам палец, задумчиво смотрел на платье.

– Переставьте вот это, – вполголоса велел он мадемуазель Оберон, указывая на одну из вышитых роз, – вот сюда. Здесь надо приподнять... А здесь добавить

оборок.

Амалии казалось, что можно обойтись и без переделок, но она привыкла уважать мнение специалистов и воздержалась от возражений. Раз Дусе считает, что платью надо доработать, значит, так и есть. Баронесса прошла вперед несколько шагов, повернулась, проверяя, как сидит платье, приподняла руки, повела плечами. Ксения следила за ней с восхищением.

– По-моему, прекрасно, – обронила наконец Амалия.

В то же время во второй примерочной мадемуазель Лантельм внимательно рассматривала эскизы, которые ей принесла мадемуазель Вионне. Рейнольдс, прекрасно сознавая, что он тут лишний, удалился покурить.

– А кто сейчас в первой примерочной? – внезапно спросила актриса.

Все примерочные модного дома были обставлены почти одинаково, но почему-то клиентки Дусе считали, что первая примерочная – самая лучшая и достается далеко не каждой из них. Разумеется, служащие не слишком стремились разуверять дам, смекнув, какую выгоду можно извлечь из номера первого. Ради того, чтобы попасть в заветное помещение, затевались невероятные интриги, и очень жаль, что история не сохранила подробностей ссоры виконтессы де Р. и герцогини д'О., которая разгорелась как раз из-за первой примерочной. Достоверно, впрочем, известно, что разгневанная виконтесса прозрачно намекнула герцогине на ее возраст, а та в ответ весьма неделикатно проехала по сомнительному происхождению самой виконтессы, после чего в ход пошли зонтики, а мадемуазель Беттина единственный раз за все время работы у Дусе ощутила желание вызвать полицию. Понадобился весь такт хозяина, чтобы уладить конфликт, но даже патрону не удалось убедить дам, что первая примерочная ничем не лучше остальных. В конце концов он смирился, и со временем прием клиентки в этом помещении действительно стал признаком ее особого статуса в модном доме. Тем и объяснялось любопытство мадемуазель Лантельм, которая одевалась у Дусе и прекрасно знала местные распорядки.

– По правде говоря, я не знаю, кто там сейчас, – смутилась Мадлен Вионне.

– Наверняка какая-нибудь страхолюдная носатая герцогиня, – предположила актриса со смехом. И, не удержавшись, выскользнула в коридор, а затем

приоткрыла дверь первой примерочной.

В следующее мгновение она увидела даму в светлом шелковом платье, которая стояла к ней спиной, а в углу за столиком – девочку лет семи, восхищенно глядеющую на нее. Совершенно успокоившись, Лантельм затворила дверь и вернулась к себе. Разумеется, мать такого большого ребенка никак не могла соперничать с ней самой. Эта мысль привела актрису в необыкновенно хорошее настроение, и она объявила Мадлен, что берет все ее модели[1 - О дальнейшей судьбе мадемуазель Лантельм можно прочитать в романе «Девушка с синими гортензиями», издательство «Эксмо».]

А Амалия, которая не обратила никакого внимания ни на приотворенную дверь, ни на мелькнувшие в щели темные глаза, полные жгучего любопытства, уже рассматривала эскизы полосатого платья, которое нарисовал для нее Дусе. Хотя моя героиня была предубеждена против полосок, клетки и прочих геометрических рисунков в одежде, она не могла не признать, что модель получилась на редкость удачной и эффектной, и, конечно, она произведет фурор в любом месте.

– К такому платью нужна отдельная сумочка, – заметила только Амалия. – И веер, также в полоску.

Дусе понял, его модель одобрена, и сказал, что сумочку они, разумеется, сделают, а насчет веера обратятся в фирму Кееса или Дювельруа, где их изготавливают. Одним словом, никакой проблемы.

– В таком случае, – кивнула Амалия, – я рассчитываю на вас, мэтр... Когда мадемуазель Оберон закончит с отделкой сегодняшнего платья, дайте мне знать.

– Разумеется, сударыня, – ответил Дусе, кланяясь.

И он проводил Амалию с Ксенией до выхода, пообещав, что баронессе позвонят, едва наряд будет совершенно готов.

Явление дуэлянта

Стоял восхитительный солнечный день, как раз такой, когда особенно приятно ехать в открытом автомобиле и предаваться рассеянным мечтам. Шофер Антуан уверенно управлял машиной, и Амалия подумала, что через несколько минут они будут дома, а к обеду придет старший сын Михаил, который тоже сейчас находится в Париже. Маленькая ручка Ксении лежала в ее ладони, и Амалия, поймав взгляд дочери, улыбнулась.

- Все хорошо? - спросила она. Просто так, без всякой причины.

Ксения заулыбалась в ответ и тряхнула головой, продолжая рассматривать подаренную ей ящерицу. Мысли Амалии меж тем текли своим чередом. «О портрете я уже договорилась... Может быть, он согласится нарисовать нас с Ксенией вдвоем? Хотя, наверное, ему будет тяжело - она такая непоседа... Или подождать, пока будет готово новое платье, эскизы которого мне показали сегодня? Или...»

Автомобиль подъехал к дому, в котором жила баронесса. Так ли важно платье для нового портрета, который она собиралась заказать у Ренуара? Еще не решив для себя этот вопрос, Амалия увидела, как к машине поспешно подходит ее консьерж, Жан Бле. Мужчина придержал дверцу, помогая хозяйке спуститься на тротуар, и та вдруг ощутила легкое беспокойство: что такое, почему Жан встречает ее здесь?

- Госпожа герцогиня, - почтительно промолвил консьерж, - я полагаю, вы должны знать, - ваш сын только что приехал.

- Михаил?

Хм, тут нет ничего особенного. Совершенно непонятно, отчего Жан так взволновался.

- Нет, госпожа герцогиня. Месье Александр. И из Англии прибыла телеграмма.

Консьерж протянул конвертик.

Между Амалией Корф и Жаном Бле уже несколько лет шла глухая, но тем не менее упорная борьба, в которой она никак не могла одержать верх. Дело в том, что, с точки зрения консьержа, баронский титул могли иметь только немцы и евреи – две категории людей, которых мужчина, как патриот и добрый католик, не слишком жаловал. Уяснив, что хозяйка не принадлежит ни к одной из этих категорий, он решил проблему просто – стал величать ее герцогиней, причем не только обращаясь к ней лично, но и перед третьими лицами. Напрасно Амалия пыталась повлиять на Жана и втолковать ему, что вовсе не является герцогиней и, кстати сказать, не собирается ею быть, консьерж твердо стоял на своем. Более того, даже стал называть ее «ваша светлость». Если бы местье Бле дерзил ей или как-то иначе пытался выразить свое непочтение, его было бы легко поставить на место. Но что, скажите на милость, можно сделать с человеком, который преисполнен искреннего уважения и выражает его столь необычным способом? В конце концов Амалия смирилась и махнула рукой на консьержа, а заодно на почтальона и торговцев по соседству, которым Жан внушил, что его хозяйка герцогиня и требует соответствующего обращения. Впрочем, надо признать, что дело было не только в местье Бле: Амалия Корф держалась так, что ее действительно очень легко было представить герцогиней, а то и принцессой крови.

Хмурясь, Амалия разорвала конверт, пробежала глазами текст телеграммы. И хотя баронесса привыкла владеть собой, на лице ее отразилось недовольство.

– Какие будут приказания, ваша светлость? – благоговейно осведомился консьерж, вытягиваясь в струнку.

– Александр уже наверху? Он приехал с вещами?

Глупый вопрос, тут же рассердилась на себя Амалия. Судя по только что прочитанному, сын должен был явиться с вещами, это уж само собой разумеется.

– У него были только два чемодана, я помог занести их в дом.

– Когда именно Александр приехал?

– Полчаса назад, – сообщил Жан и поторопился объяснить: – Я полагал, что вы его не ждали, ваша светлость, поэтому взял на себя смелость встретить вас у

машины, чтобы заодно передать вам телеграмму.

Амалия вздохнула.

– Все в порядке, месье Бле... Спасибо.

Ксения с любопытством смотрела на нее снизу вверх, прижимая к себе ящерицу. Амалия взяла девочку за руку и повела в дом. Заметив, что все еще держит в свободной руке злосчастную телеграмму, скомкала ее и сунула в карман.

Ах, Александр, Александр! Ну что за характер, в самом деле! И что же ей теперь предпринять?

В прихожей навстречу ей поднялся сидевший до этого на чемоданах высокий юноша лет двадцати, и Амалия рассердилась еще больше. Почему не унесли чемоданы? Словно здесь зал ожидания какой-то! Но тут Ксения заметила брата и искренне обрадовалась.

– Здравствуй, здравствуй! – зашебетала девочка. – А мы смотрели платья... Гляди, что мне там подарили! Это ящерица, – пояснила Ксения, счастливо улыбаясь.

– Э... – пробормотал Александр, косясь на мать, – не ящерица, а прямо саламандра какая-то!

– А что такое саламандра? – тотчас же заинтересовалась Ксения.

– Это волшебная ящерица, – пояснил Александр серьезно.

– А у тебя есть волшебная ящерица?

– Нет, – сокрушенно ответил брат.

– Хочешь?

И малышка уже протягивала ему свою разноцветную бархатную игрушку с глазами-бусинками, от которой не могла оторваться во время поездки в автомобиле.

– Нет, я не умею обращаться с волшебными ящерицами, – честно признался Александр. – И потом, она все-таки твоя.

Тут, к счастью, в прихожей материализовалась только что вернувшаяся Аделаида Станиславовна, мать Амалии. Женщина тотчас заметила чемоданы, напряженное лицо дочери, сконфуженный вид Александра и немедленно объявила, что чрезвычайно рада его видеть, что он обязательно останется у них, надо выделить ему комнату с витражами. И хотя Александр не любил эти витражи, сделанные по эскизам модного художника, он не стал спорить и покорился.

– Вся семья вместе! Очаровательно! – вскричала экспансивная Аделаида Станиславовна и увлекла за собой Амалию.

Однако, войдя в кабинет баронессы и закрыв дверь, польская дама сразу же отбросила легкомысленный тон:

– В чем дело? Почему Саша здесь, а не в Оксфорде?

– Смотри сама, – сухо сказала Амалия, протягивая ей телеграмму.

Пробежав глазами строки, Аделаида Станиславовна остолбенела, но только на мгновение.

– Бедный мальчик!

– Он уже не мальчик, – стальным голосом возразила дочь. Баронесса опустилась на стул, но сразу встала и принялась мерить шагами комнату. – По крайней мере, в его возрасте пора представлять себе последствия своих поступков! Что еще за дуэль? Почему его исключили?

– Ну ничего же страшного не произошло. Была дуэль, но...

– Тут написано, что он чуть не убил человека! – вспылила Амалия. – А если бы его самого убили? Или хотя бы ранили?

– Ну, дорогая, это же не повод так смотреть на ребенка.

– А как я на него смотрю?

– Коршуном, – не моргнув глазом, сообщила старая дама. – Немудрено, что он растерялся.

Амалия воздела руки к потолку, хотела сказать что-то резкое, но сдержалась.

Хотя многие знакомые баронессы отказывались верить, что ей уже больше тридцати лет, на самом деле Амалия была гораздо старше. Двое ее сыновей были уже взрослыми людьми. Старший, Михаил, пошел по стопам отца и сделался военным, а младший, Александр, собирался получить образование в Англии, и оба стали для матери источником постоянного беспокойства. С Михаилом, похоже, произошло то, что нередко бывает с детьми слишком блестящих родителей: он терялся на их фоне, а его покладистый характер, по мнению матери, не слишком соответствовал карьере, которую он для себя избрал. С Александром все обстояло совсем иначе. Молодой человек носил фамилию Тамарин, и хотя формально Амалия его усыновила, ни для кого не составляло тайны, что он ее родной сын. Если Михаила можно было упрекнуть в излишней мягкости, то Александр из-за своего вспыльчивого характера постоянно ввязывался во всевозможные истории. Он был чудовищно упрям, невероятно злопамятен и обладал совершенно невыносимой, с точки зрения Амалии, способностью раздувать любое мелкое происшествие до вселенских масштабов, причем страдая от этого гораздо больше, чем остальные.

Матери претило отсутствие в младшем сыне легкости и раздражала его вечная поза буки, дующегося на весь мир, который, впрочем, не упускал возможности напомнить ему, что он всего лишь незаконнорожденный, а значит, существо второго сорта. Тщетно Амалия пыталась втолковать Александру, что не это, так другое поставили бы ему в вину те, кому он был не по душе, и что надо научиться отсекал от себя неприятности и тех, кто их причиняет, иначе жизни не хватит сражаться со всеми ветряными мельницами. Баронесса чувствовала, что Александр замыкается в себе, отдаляется от нее и от родных, и ее сердило, что никакими разумными доводами нельзя привести его в чувство. Даже сейчас,

при мысли, что сын задержится в ее доме как минимум на несколько недель, она почувствовала приступ недовольства из-за того, что ей постоянно придется видеть перед собой его хмурое, замкнутое лицо.

И дело было вовсе не в том, что Амалия не любила своих детей. Нет, очень любила и честно старалась вникать в их проблемы, быть им другом, уберечь их от непоправимых ошибок. Но при общении с сыновьями ее не покидало ощущение, будто она имеет дело с людьми из другого мира, с какой-то другой планеты. Михаил любил музыку, а отправился в армию... Ей это было непонятно. Как и то, что Александр старательно изводил себя тем, что не такой, как все. И вот, когда все, казалось, устроилось и он поступил в Оксфорд, а неподалеку был его отец, всегда готовый помочь, нате вам – дуэль и отчисление. А в остатке – высокий рыжеватый юноша, виновато сгорбившийся на своих двух чемоданах. Александр изо всех сил пытался держаться независимо, но глаза выдавали его, и там, в передней, он смотрел на нее взглядом побитой собаки. От одного этого у матери все внутри перевернулось. Черт возьми, да когда же сын перестанет вести себя так, словно все, и она в том числе, его враги?

– Как же мне это все надоело! – в сердцах воскликнула Амалия.

Аделаида Станиславовна нахмурилась. Конечно, неприятно, что так получилось с Оксфордом, но есть ведь Сорбонна, Петербург, Гейдельберг, и если Амалия так хочет, чтобы ее сын получил образование, он вполне может окончить курс в другом месте. Все это пожилая дама высказала дочери.

– Дело не в учебе, – устало ответила та. – У меня такое ощущение, что, где бы Саша ни находился, он всегда найдет причину, чтобы быть несчастным. И в конце концов всю жизнь себе испортит, – уже сердито добавила Амалия, поправляя цветы в вазе.

– Это пройдет, – примирительно сказала Аделаида Станиславовна.

Баронесса Корф отвернулась.

– Я очень за него беспокоюсь, – наконец промолвила она. – И как бы я ни пыталась ему помочь...

Амалия оборвала себя и удрученно покачала головой – мол, что все ее усилия ни к чему не приводят. У нее закололо в виске, и она, поморщившись, двинулась к двери, обронив на ходу:

– Миша будет на обеде. Предупреди его и попроси, чтобы воздержался от... от замечаний.

У себя в спальне баронесса прилегла на кушетку, массируя висок, боль в котором из стреляющей превратилась в ноющую. Амалию больше не радовал ни чудесный день, ни платья от Дусе, ни мысль о портрете, который нарисует Ренуар. Будь у нее работа... Но работы, увы, больше не было. Особую службу, специальный отдел секретных государственных поручений, упразднили после ее же, Амалии, провала в Иллирии[2 - Эту историю прочитайте в романе «Золотая всадница», издательство «Эксмо»]. Значит, спастись работой ей тоже не удастся. Чувствуя, как от раздражения сводит лицо, баронесса решительно поднялась и с особой тщательностью стала выбирать платье к предстоящему обеду.

Как говорится, если не можешь ничего сделать, сделай хотя бы что-нибудь.

За обеденным столом их собралось шестеро: Амалия, Михаил, Александр, Ксения, Аделаида Станиславовна и ее брат Казимир, вечный холостяк и бонвиван, маленький, радушный и любезный господин, которого при первом знакомстве люди обыкновенно считали недалеким, а при последующих встречах нередко меняли свое мнение на прямо противоположное.

Казимир без всяких предупреждений учуял, что в воздухе пахнет грозой, а гроз чувствительный польский шляхтич не выносил совершенно. Поэтому он вдруг стал чрезвычайно разговорчив, предупредителен и улыбчив, к месту рассказал пару анекдотов, выставил в комическом свете героев последних новостей и добился-таки того, что Амалия снизошла до улыбки, а Аделаида Станиславовна почувствовала, как у нее отлегло от сердца. Хотели мать и дядя того или нет, но жизнь их семьи так или иначе вертелась вокруг Амалии, а они были второстепенными светилами, и когда главная звезда их крохотной галактики была не в духе, это обязательно отражалось на всех.

– Так что ты решила насчет Рафаэля? – спросила у дочери Аделаида Станиславовна. – Будешь покупать его картину или нет?

Оставшись не у дел, Амалия стала гораздо больше, чем раньше, интересоваться искусством, а Дусе, кстати сказать, помог ей познакомиться с рядом художников и с видными торговцами картинами. Однако коллекционером баронесса Корф так и не стала. Да и не стремилась стать. Она приобретала то, что ей нравилось, полагаясь только на свой вкус, который, надо сказать, был чрезвычайно прихотлив, потому что ее одинаково пленяли фантазии Босха и Арчимбольдо, грезы Боттичелли и изящные портреты Виге-Лебрен и Натье. Амалия высоко ставила импрессионистов, но была совершенно равнодушна к авангардистским изысканиям, а из современников более всего ценила Ренуара, который уже несколько раз рисовал ее портреты раньше и которому она собиралась позировать вновь.

- Что за Рафаэль? - заинтересовался Михаил.

- Ничего особенного, - отмахнулась баронесса, - портрет пары итальянских кардиналов с разбойничьими физиономиями. Вид у них такой, будто это простолюдины, которые недавно ограбили настоящих кардиналов и обрядились в их одежду.

Александр, услышав слова матери, фыркнул.

- Честное слово, - добавила хозяйка дома, - им только кинжалов за поясом не хватает.

- Тогда, по-моему, как раз такими кардиналы и были, - заметил Михаил. - Вспомни хотя бы Чезаре Борджиа.

- Вам смешно, а каково мне будет каждый день смотреть на этих уголовников? - проворчала Амалия. - Так что я решила, что обойдусь без Рафаэля.

- Правильно, - тотчас же одобрила мать, - лучше купи еще одного Боттичелли.

- У Боттичелли все женщины на одно лицо, - высказал свое мнение Михаил.

- А мужчины? - подал голос Александр.

- Мужчины ему вообще не удавались. Да и его «Весна» мне не нравится.

– С «Весной» сложно, – согласилась Амалия. – Потому что на самом деле это не одна картина, а пять.

– Ты думаешь? – тотчас же заинтересовалась Аделаида Станиславовна.

– Конечно. Меркурий с левой стороны – одна картина. Три грации – отдельная. Флора – третья. Зефир и нимфа – четвертая. А есть еще таинственная фигура беременной рыжей красавицы в красной мантии, которую почему-то называют Венерой. Она стоит в центре, но удалена от зрителя, и это уже пятая картина. Я думаю, – добавила Амалия, – кто-то очень торопил Боттичелли с работой, и композиция развалилась. Если рассматривать «Весну» как пять отдельных картин, все прекрасно, но когда пытаешься оценить ее как единое целое, взгляд теряется в многообразии фигур.

– Я слышал, ты собираешься заказать свой портрет, – сказал Михаил. – Это правда?

– Да, у Ренуара.

От Амалии не укрылось, что сын слегка поморщился при упоминании этого имени.

– А почему не у какого-нибудь приличного художника? – проворчал сын. – Он уже три раза тебя рисовал... и хоть бы один портрет он закончил.

– Что тебе не нравится в его портретах?

– Все, – честно ответил Михаил. – И ты почему-то всегда у него рыжая... На мой взгляд, Ренуар вообще не умеет рисовать.

– О! – вырвалось у Аделаиды Станиславовны.

– Я живу среди ретроградов, – вздохнула Амалия. – До чего же вы суровы, ваше благородие... Дядя Казимир, будь так добр, передай мне соль.

– Ты знаешь мое мнение: по-моему, импрессионисты не стоят красок, которые перевели, и холстов, которые испортили, – гнул свою линию Михаил. – В конце

концов, есть Больдини, есть...

– Когда я только вышла замуж, – промолвила баронесса, – я хотела, чтобы мой портрет написал Мане.

Михаил, слушая мать, застыл на месте.

– Я чувствовала, какой это художник. Но я была очень молода и не умела еще настоять на своем. Над Мане было принято только смеяться, и в конце концов меня отвели к этому... как его... с двойной фамилией. Чрезвычайно модный был тогда портретист, как Больдини сейчас. Вот он и нарисовал мой портрет, совершенно ужасный – я там стою, как манекен.

– Мама, что ты выдумываешь! – возмутился Михаил.

В глубине души молодой человек всегда восхищался портретом, на котором его мать изображена в блеске молодости и красоты, в бальном платье и драгоценностях, в перчатках до локтей, с розой в волосах и веером в руке. Сын даже забрал картину к себе после того, когда мать сослала ее в чулан.

– Правильная, скучная, безжизненная мазня, – твердо сказала Амалия. – А Мане вскоре умер и мой портрет так и не написал... А те же самые критики, которые раньше ругали импрессионизм на чем свет стоит, сегодня уже кричат, что он – самое значительное художественное движение прошлого века. Поэтому я больше никого не слушаю, и если картина мне нравится, просто покупаю ее. Кстати, самый лучший способ защитить себя от подделок и заодно не обогащать спекулянтов – приобретать картины у самих художников. Хотя, конечно, метод работает только с современниками...

– Прости, мама, но мне кажется, что это пустая трата денег, – упрямо проговорил Михаил. – Пройдет лет двадцать, и все забудут и о Ренуаре, и о Мане, и...

Александр не смог удержаться от усмешки. Что за манера у старшего брата – вечно рваться рассуждать о том, в чем совершенно не разбирается. Михаил перехватил его взгляд, без труда угадал мысли младшего брата и нахмурился.

– Я покупаю картины для собственного удовольствия, – улыбнулась Амалия, – и мне все равно, что будут думать об их создателях через двадцать лет и сколько они будут стоять. Если мы говорим о деньгах, то их куда легче сделать на чем-нибудь другом.

– Согласен, – кивнул Михаил. Затем повернулся к брату: – Кстати, а что, в Оксфорде уже наступили каникулы? Я не ждал увидеть тебя так рано.

Звякнула вилка, которую Александр положил на стол. «Вот, начинается», – с досадой подумала Амалия.

– Я больше не буду там учиться, – холодно сообщил Александр.

– Почему? Можно узнать причину?

– Можно. Я повздорил с одним студентом и вызвал его на дуэль. А так как его отец лорд и важная шишка, он добился того, чтобы меня отчислили.

– Я так и не понял, дуэль была или нет? – поинтересовался Михаил.

– Была.

– И что? Чем все закончилось?

– Ничем. Я прострелил ему бедро, так что теперь этот наглец будет хромать до конца своих дней.

Амалия поглядела на непреклонное лицо сына и подумала, что причиной ссоры вряд ли были разногласия по поводу какого-нибудь монолога Шекспира.

– И правильно, – неожиданно одобрил Михаил. – Никогда не следует спускать обиду, когда можно за нее покарать.

– Прекратите эти разговоры в моем доме, – приказала Амалия холодно, хотя внутри ее все кипело. – Вы оба невыносимы! А если бы ногу прострелили тебе, что тогда? А если бы все кончилось гораздо хуже и он тебя убил?

– У него бы ничего не получилось, – уверенно ответил Александр. – Я стреляю лучше, чем он.

– А если бы хорошо стрелял? Если бы ему повезло? Ведь бывает так, что везет даже тем, кто стреляет плохо.

– Значит, ранил бы меня. Или убил.

– Но, слава богу, никто никого не убил, – вмешалась Аделаида Станиславовна, которая видела, что ее дочь готова в сердцах наговорить много лишнего. – Дети, как вам десерт? Его, между прочим, готовила наша новая кухарка.

Казимир тотчас же подхватил тему десерта, развил ее и направил беседу в правильное русло, то есть такое, когда уже никто никого не мог задеть.

После обеда Михаил задержался, чтобы немного помузицировать на пианино для Ксении. Остальные разошлись по комнатам, и в столовой остались только Амалия и Александр.

– Я вас не стесню? – спросил сын.

– Ты же знаешь, что нет. А вообще, что ты собираешься теперь делать?

Молодой человек вздохнул. По правде говоря, Александр принадлежал к таким людям, которые куда лучше представляют, чего они не хотят, чем то, чего, собственно, желают от жизни. Но юноша хорошо знал мать и чувствовал, что с ней можно говорить свободно.

– Пока я об этом не думал. Но вполне могу учиться в Париже.

– А ты хочешь? – проницательно спросила Амалия.

Александр неуклюже повел плечами.

– Не знаю. Я не представляю, для чего все это.

– Что «все это»?

– Учиться, зубрить десятки скучных и ненужных предметов для того, чтобы потом целый день корпеть в конторе и делать вид, что работаешь. Тратить свою жизнь на всякую... на всякие глупости, чтобы потом в один прекрасный день проснуться и понять: пора умирать, а ты так и не сделал ничего стоящего.

Амалия пристально посмотрела на сына. «Хм, что-то новенькое... И напоминает дядюшку Казимира с его упорным нежеланием принимать на себя любые обязательства. Или Саша просто начитался модных книжек и воспринял всерьез то, что там написано?»

– Но ты бы хотел стать кем-то? – настаивала баронесса. – Кем? Согласна, в работе на одном месте нет ничего захватывающего. Но ведь есть же что-то такое, что тебе по душе?

Юноша пожал плечами. Миг – и у матери возникло ощущение, словно перед ней только что захлопнулись створки раковины, в которую спрятался ее сын.

– А знаешь, что самое неприятное? – внезапно выпалил Александр. – Что люди – мерзавцы. Причем все. Из-за этого пропадает охота иметь с ними дело.

Амалия не смогла удержаться от улыбки. Сколько философии! Какие бездны смысла! И все наверняка из-за того, что приятель, с которым он дрался на дуэли, не к месту дал волю языку.

– Бедный мой мизантроп... Что же мне с тобой делать?

Баронесса протянула руку, чтобы пригладить торчащие волосы сына. Александр исподлобья покосился на нее, и она, внезапно рассердившись, взъерошила ему волосы так, что те стали дыбом.

– Мама...

– Да ну тебя!

Амалия поднялась с места.

– У меня есть билеты в театр. Если хочешь, можешь пойти. Хоть развеешься.

– Нет, – твердо ответил Александр, приглаживая волосы. – Прости, не хочу. Французские пьесы глупы до неприличия, во всех на разные лады толкуется об адюльтере, как будто ничего, кроме этого, в жизни не существует. Хуже только русские пьесы, где персонажи истязают друг друга, сами толком не зная для чего.

Амалия пристально посмотрела на сына. Боже мой, до чего же он серьезен, просто оторопь берет! Интересно, когда это у него пройдет? И почему, из-за кого, в какой момент Саша заделался таким мизантропом? «Скорее всего, – смутно помыслила Амалия, – из-за женщины... И, как всегда случается в жизни, из-за такой, которая не стоит и его мизинца».

Баронесса как раз собиралась осторожно навести разговор на данную тему, как вдруг растворилась дверь и горничная доложила, что ее хочет видеть комиссар полиции.

Глава 3

Комиссар Папийон

Амалия хорошо знала этого грузного, широкоплечего человека с пышными усами и добродушной улыбкой, и он не первый раз был у нее дома. Но едва она сейчас увидела выражение его лица – не расслабленно-дружеское, как обычно, а замкнутое и непроницаемо-официальное, душу ее кольнула иголочка нехорошего предчувствия. Что такое, неужели Александр ухитрился опять ввязаться в какую-то историю, на сей раз на французской территории?

– Господин комиссар... Чему обязана честью видеть вас?

Комиссар Папийон весьма непринужденно поцеловал руку хозяйки и сказал, что хотел бы побеседовать с господином бароном. Мол, консьерж в его доме сообщил, что Михаил должен быть здесь.

– Да, он здесь, – подтвердила Амалия, чувствуя невольное облегчение от того, что визит Папийона не связан с ее беспокойным младшим сыном. – А в чем дело, комиссар?

Но полицейский, которого она знала как старого друга – или, во всяком случае, как хорошего знакомого, – уклонился от ответа. И лишь заметил, что желал бы задать господину барону несколько вопросов.

Чувствуя, как в душе ее вновь пробуждается тревога, Амалия проводила комиссара в гостиную, где Михаил с Ксенией, сидя за пианино, разбирали ноты, причем девочка устроилась у брата на коленях и пыталась дотянуться до клавиш.

– Миша, это комиссар Папийон... Он хотел бы побеседовать с тобой.

Гость сел в кресло и достал блокнот для записей и ручку. Увидя блеск глаз господина комиссара, Амалия окончательно убедилась, что произошло нечто скверное, причем каким-то образом связанное с Михаилом. Ее сын снял Ксению с колен, шепнув малышке, что они продолжат музицировать позже. Девочка вышла, в комнате остались трое: Михаил у пианино, Папийон в кресле недалеко от него и за его спиной – Амалия, мучительно гадавшая, что же, собственно, происходит.

– Вы барон Мишель Корф, родились в... – Комиссар сделал крохотную паузу, предоставляя собеседнику право ее заполнить.

– В Петербурге, в 1882 году.

– То есть сейчас вам двадцать пять лет. Можно узнать, чем вы занимаетесь?

– Разумеется. Я офицер армии его императорского величества.

– Приходилось воевать с японцами? Наши газеты столько писали об этой войне...

– Да, я участвовал в боевых действиях и был ранен.

– Поправляете у нас здоровье, господин барон?

- Нет, я получил отпуск и приехал проведать мать.

Чем вежливее становился комиссар, тем резче и отрывистой звучали ответы его собеседника.

- Скажите, сколько времени вы находитесь в Париже?

- Точно не помню. Около месяца, наверное. Могу ли я узнать, господин комиссар, в чем все-таки дело?

- Было совершено преступление, - спокойно промолвил Папийон, - и мы его расследуем. Скажите, господин барон, вам известен ваш соотечественник, граф Ковалевский?

Амалия готова была поклясться, что при упоминании этого имени на лицо ее сына набежало облачко.

- Да, я знаю этого человека.

- Давно?

- Несколько лет. Впрочем, мы никогда не были друзьями.

- Когда вы с ним познакомились?

- Давно, в Петербурге, на вечере у каких-то общих знакомых. Точнее сказать не могу.

Папийон удовлетворенно кивнул, словно его вполне устраивала забывчивость Михаила.

- Вам известно, что последние месяцы граф находился в Париже?

- Да, известно. Я видел его в автомобильном клубе.

– Что вы там делали?

– Ничего особенного, господин комиссар, – с легкой иронией ответил Михаил. – Изредка читал газеты, немного играл в карты.

– С графом Ковалевским?

– И с ним тоже, да. Позволено ли мне узнать...

– Все в свое время, господин барон, – оборвал полицейский. И задал следующий вопрос: – Можете ли вы сказать, когда именно видели графа в последний раз?

Амалия сидела как на иголках. Уже слова «граф находился», то есть глагол, употребленный в прошедшем времени, сказали ей куда больше, чем могли сказать менее наблюдательному человеку, а тут еще это «в последний раз»...

– Я иногда захожу в клуб по вечерам, – спокойно промолвил Михаил. – Кажется, я видел графа в понедельник. Или во вторник.

– Иными словами, позавчера вечером?

– Так точно, месье.

– То есть тогда, когда между вами и графом произошла ссора?

Рот Михаила сжался.

– Вам уже сказали об этом? Впрочем, я, наверное, наделал тогда шуму. – Молодой человек попытался улыбнуться, но глаза оставались настороженными и холодными. – Да, мы с графом обменялись парой резких слов.

– Можно узнать, по какой причине?

– Нет, – отрезал Михаил. – Это касается только меня и графа.

– Вероятно, причина все же была весомой, если вы при свидетелях пообещали его убить? – вкрадчиво осведомился Папийон.

У Амалии упало сердце. Теперь она уже не сомневалась в том, что произошло самое худшее.

– Кажется, я действительно сказал нечто подобное, – помедлив, признался Михаил. – Граф вывел меня из себя, и я, каюсь, повел себя несдержанно. Это все, что вы хотели знать?

– Нет, – ответил Папийон. – Меня интересует, господин барон, где вы были в ночь со вторника на среду.

– У себя, разумеется.

– Всю ночь?

– Всю ночь, да. Я вернулся из клуба и сразу же лег спать. Может быть, вы все-таки объясните нам, в чем дело? Моя мать места себе не находит от беспокойства.

– Боюсь, у меня для вас дурные новости, – сказал Папийон, тщательно подбирая слова. – Граф Павел Ковалевский был убит в ночь со вторника на среду. Получается, вы один из последних видели его в живых.

– Не только я, но и весь автомобильный клуб.

– Разумеется. Есть ли у вас свидетель, который может подтвердить, что вы всю ночь находились дома и никуда не выходили?

Михаил вспыхнул.

– Послушайте, сударь... Это уже переходит всякие границы!

– Я имею в виду слугу, например, – спокойно пояснил комиссар.

– Если вы о слуге... Да, Аркадий был дома. Он подтвердит, что я никуда не выходил.

– Что ж, – сказал комиссар, поднимаясь с места и сердечно улыбаясь, – вот все и разъяснилось.

– Рад, если так, господин комиссар, – искренне промолвил Михаил. – Потому что лично у меня создалось впечатление, будто вы уже готовы были меня подозревать в смерти графа из-за того, что накануне я обменялся с ним парой неосторожных слов.

– В самом деле, – добродушно подхватил Папийон, – в высшей степени неосторожно обещать убить человека... которого через несколько часов и в самом деле найдут убитым. – Полицейский со значением прищурился. – Кстати, господин барон, чуть не забыл: где вы были в ту ночь примерно с одиннадцати вечера до четверти третьего, то есть после того, как покинули клуб и до возвращения домой? Консьерж уверяет, что вы пришли в начале третьего, разбудили его звонком, и ему пришлось отпирать вам дверь. Получается, вы не сразу из клуба направились к себе на квартиру?

– Где бы я ни был, господин комиссар, – промолвил Михаил, еле сдерживаясь, – вас это не касается! Могу лишь сказать, что то, где я провел время, не имеет никакого отношения к графу Ковалевскому!

– Не стоит повышать голос, господин барон, – тихо промолвил Папийон, – я прекрасно все слышу. Могу ли я узнать, каковы ваши планы?

– Что?

– Вы не собираетесь случаем уехать из Парижа?

– Нет, но...

– Я настоятельно рекомендую вам не покидать город, – внушительно проговорил комиссар, глядя собеседнику прямо в глаза. – У нас еще могут появиться другие вопросы к вам. А я, к вашему сведению, привык получать ответы на свои вопросы.

Полицейский учтиво поклонился Амалии.

– Всего доброго, госпожа баронесса.

Не сказав более ни слова, комиссар Папийон прошествовал за дверь.

– Что все это значит? – прошептала Амалия, едва до них перестал доноситься звук шагов неожиданного посетителя. – Кто такой этот граф Ковалевский?

Михаил отвернулся.

– Павел Ковалевский – отъявленный мерзавец, – произнес он, глядя в окно. – Это все, что я могу тебе о нем сказать.

– Из-за чего вы поссорились?

– Неважно.

– Миша, я тебя умоляю! Разве ты не видишь, что происходит? Вы поссорились, ты сгоряча пообещал его убить... И в ту же ночь его действительно убили! Ты что, не понимаешь, что это делает тебя подозреваемым номер один?

– Я его не убивал.

– И ты полагаешь, достаточно сказать, что ты его не убивал, чтобы такой человек, как Папийон, оставил тебя в покое?

– Но я действительно его не убивал, – сказал Михаил, пожимая плечами. – Не имею к его смерти ни малейшего отношения, так что Папийону действительно придется оставить меня в покое.

Но Амалия, куда лучше сына осведомленная о том, как работает система сыска, только покачала головой.

– Ты уверял его, что всю ночь был дома, а между тем полицейский уже установил, что между одиннадцатью вечера и четвертью третьего ночи ты

пропадал неизвестно где. Миша, ты можешь хотя бы мне сказать, где ты был?

Сын вспыхнул и поднялся со стула.

- Нет. Прости, это касается меня одного.

И как Амалия ни настаивала, ей больше ничего не удалось добиться. В своем роде ее старший сын был не менее упрям, чем младший. Если Михаил решил, что будет молчать о чем-то, расспрашивать его совершенно бесполезно.

Вконец расстроенная, баронесса вышла из комнаты и отправилась искать утренние газеты. Они лежали на столике в малой гостиной, а рядом в глубоком кресле дремал Казимир Станиславович.

- Вы не читали о том, что произошло с графом Ковалевским?

Дядюшка приоткрыл один глаз.

- Нет. А что с ним могло случиться?

- Его убили.

- Да? - Казимирчик так поразился известию, что проснулся окончательно. - В утренних выпусках ни слова об этом не было. Как же его так угораздило?

- Полиция не знает, - хмуро ответила Амалия. - Беда в том, что незадолго до того он поссорился с Мишей, и Миша в запальчивости обещал его убить.

- Они что, считают, что Миша мог...

- Я не знаю, что считают полицейские, но сам он ведет себя так, словно задался целью оправдать их подозрения. - Амалия села напротив дяди. - Похоже, граф Ковалевский заядлый картежник. Ты его знал?

- Немного, - признался дядюшка, питавший слабость к картам. - Бывало, встречались с ним за игрой.

– Что он был за человек?

– Что за человек? Хм... А ты разве с ним не знакома?

– По-моему, видела однажды на каком-то благотворительном вечере. Но мы никогда не общались, и нас не представляли друг другу. Так что ты о нем думаешь?

– Ну я же не был его приятелем, племянница... Аристократ. Начитан, хорошо образован. В нем чувствовалась порода, и выглядел он всегда по-европейски. Когда выигрывал, держался довольно скромно, да и проигрывал очень учтиво. Мог спустить большую сумму, глазом не моргнув. Правда, имелся у него один недостаток – графу нравилось выводить из себя окружающих, если они чем-то пришлись ему не по душе. Странно, что его убили.

– Почему?

– Я бы не сказал, что у него имелись враги. Кого-то он, может быть, раздражал, но не настолько.

– Он был богат?

– Я же не его поверенный, племянница... Думаю, нет. Конечно, он не бедствовал – имение в Минской губернии, особняк в Париже, яхта... Но граф много играл и не жалел денег, особенно на женщин.

– Ковалевский был женат?

– М-м... Вроде женат, но с женой разошелся.

– Давно?

– Года два назад. По-моему, даже успел с ней развестись.

– А сколько лет ему самому, ты не знаешь?

– Еще молодой человек, меньше сорока, – без колебания ответил дядюшка. – Всегда безупречно одетый, приятной внешности... В голове не укладывается, что с ним произошло такое.

– Ты сказал, что ему нравилось выводить из себя людей. В чем конкретно это выражалось?

– Ковалевский был проницателен и далеко не глуп, но со злым языком. Сама понимаешь, когда умный человек ради красного словца никого не жалеет, это куда хуже, чем когда язык распускает какой-нибудь дурак. Так что граф мог быть очень неприятным... когда того хотел.

– Миша не говорил тебе, из-за чего поссорился с ним?

– Нет. Он вообще не упоминал о графе. Хотя... – Казимир заколебался. – Говоришь, Михаил обещал убить Ковалевского?

– Да. Тебе что-нибудь об этом известно?

Дядюшка в смущении потер подбородок. И обронил наконец:

– Я слышал, балерина Корнелли сейчас в Париже.

Амалия нахмурилась. Эта особа когда-то была любовницей ее сына, и, как считала баронесса Корф, изрядно попортила ему жизнь.

– Она как-то связана с графом?

– Боюсь, да, – медленно ответил Казимир Станиславович. – По-моему, у них что-то было.

– Думаешь, граф Ковалевский мог сказать Мише что-то обидное по поводу... их общей знакомой?

– Насколько я знаю графа, подобное вполне в его духе. То есть он мог как-то сострить... пошутить, что ли... Беда в том, что слова, казавшиеся ему милой шуткой, другими обычно воспринимались как крайне оскорбительные.

– Что ж, тогда понятно, почему Миша так вспылал, – вздохнула Амалия. – Но это не объясняет, где он пропал в ту ночь с одиннадцати вечера до двух ночи, а сам Михаил упорно не хочет ничего о своем местонахождении в тот промежуток времени говорить.

– Я думаю, в Париже множество мест, где молодой человек может пропадать с одиннадцати вечера до двух ночи, и даже позже, – дипломатично заметил Казимирчик. – Что касается убийства, то на твоём месте я бы не волновался. Конечно, Миша никого не убивал.

– Я тоже так думаю, – кивнула Амалия. – Но, знаешь, буду чувствовать себя куда увереннее, когда комиссар Папийон найдет настоящего убийцу. Очень неприятно состоять под подозрением, особенно когда ты ничего дурного не совершал.

Глава 4

Слуга

– По-моему, все ясно как день, – сказал Бюсси.

Молодой, худощавый, темноволосый Бюсси был полной противоположностью своего немолодого, грузного, седоватого патрона. Впрочем, Папийон не обращал особого внимания на внешность своих помощников, и если выделял среди них Бюсси, так исключительно потому, что тот представлялся ему наиболее сметливым из всех.

– Что именно тебе ясно? – проворчал Папийон.

– Офицер поссорился с графом. Потом тот вернулся домой, а офицер зашел к нему, чтобы довести разговор до конца, оставить, так сказать, последнее слово за собой. Они снова поссорились, нервы у офицера не выдержали, и молодой человек убил Ковалевского. У него же нет алиби, причем как раз на то время, когда, судя по всему, граф и был убит. – Бюсси немного помедлил, но вопрос, который так хотелось задать, жег ему губы, и он решился. – Признайтесь,

патрон, если бы вы не были в таких хороших отношениях с его матерью, вы ведь арестовали бы его без всяких проволочек?

- Нет, - сухо ответил Папийон.

- Нет? - искренне изумился Бюсси. - Но ведь все факты сходятся!

- Ни черта не сходится, - отрезал Папийон. - Барон Корф - боевой офицер и, я не спорю, мог убить графа. Но сделал бы это иначе. Понимаешь? Совсем иначе! И потом, о какой новой ссоре между ними может идти речь? Жертва была найдена в своей спальне, в постели. Граф Ковалевский спал и видел десятый сон, когда в дом забрался некто и размозжил ему голову. Ты видел, на что была похожа спальня? Сколько ударов нанес убийца - десять, двадцать, больше?

- Хотите сказать, убийца находился в состоянии аффекта? - спросил Бюсси, в глубине души гордясь возможностью вставить модное слово.

- Нет, - так же сухо возразил комиссар, - это был дурак, который даже не понимал, что достаточно одного удара каминной кочергой, чтобы отправить человека к праотцам. Топорная работа, Бюсси. Топорная и жестокая! И, конечно, отнюдь не дело рук боевого офицера, отлично знающего, как убивать людей.

- Если только, - заметил Бюсси, - так сделано было не нарочно.

- Ты о чем?

- Ну, скажем, офицер совершил убийство, обставив его таким образом, чтобы все указывало на непрофессионала, - объяснил помощник. - Может же быть такое?

Папийон задумался.

- Как хотите, - добавил Бюсси, - но я считаю, у него был более чем весомый мотив. Та балерина танцует стрекозу в какой-то миниатюре, а граф позволил себе замечание насчет стрекоз, порхающих из постели в постель, что, конечно, взбесило офицера, который был когда-то в нее влюблен. И, похоже, «когда-то» еще не кончилось. Иначе он прилюдно не пообещал бы графу его убить. А вы помните, что граф сказал ему после этого? Что на дуэлях не дерется, оставляет

сию ребяческую забаву другим. Вот офицер и решил разобраться с ним без всякой дуэли. Годится?

– В газетах еще ничего не писали об убийстве? – внезапно спросил Папийон.

– Пока нет, патрон.

«Почему молодой барон не спросил у меня, как именно убили графа? – думал комиссар. – Если он невиновен и не знал о происшедшем, такой вопрос напрашивается сам собой. Другое дело, когда ты виновен. Все обстоятельства тебе уже и так известны, не о чем и спрашивать...»

– Мне нужны свидетели, – решительно объявил Папийон. – Вот что! Недалеко от особняка графа мостовую топчут «бабочки», за которыми приглядывает Андреа-корсиканец. Бери его за жабры и тряси, пусть скажет, кто из его девиц был на своем посту в ночь со вторника на среду. Хоть одна из них должна была что-нибудь заметить!

– А вы, патрон? Чем вы займетесь?

– Допрошу слугу графа, если тот уже пришел в себя и в состоянии отвечать на вопросы.

Однако, когда Папийон вернулся в управление, ему пришлось сначала ответить на звонок префекта полиции Валадье, которого крайне встревожило происшедшее.

– Русский аристократ убит в Париже, да еще таким зверским образом... Я рассчитываю на вас, Папийон! Только надеюсь, что вы будете вести следствие осторожно, не впадая в крайности. А то за вами такой грешок водится...

Папийон слушал и кивал, а префект, словно шарманка, которую неудачно завели, не успокоился, пока не повторил одно и то же несколько раз.

– Вот осел! – буркнул комиссар, швыряя трубку на рычаг. – Мерлен, как там слуга? Готов для разговора?

- Да, патрон.

- Давай его сюда!

И через минуту в кабинете комиссара нарисовался тщедушный блондин с плешивой головой, с усами неопределенного цвета и умными светлыми глазами. Сейчас, впрочем, в глазах метался страх, рот судорожно кривился на левую сторону, а цвет лица имел нездоровый землистый оттенок.

- Садитесь, месье... Вам что-нибудь нужно? Может быть, воды?

Дрожащим голосом на довольно неплохом французском слуга отказался от воды и объявил, что готов ответить на вопросы. Однако первый вопрос задал сам:

- Вы найдете того, кто это сделал? Вы его найдете?

- Разумеется, не беспокойтесь!

Теперь Папийон прямо-таки источал непоколебимую уверенность. Хотя в глубине души он вовсе не был убежден, что убийца графа будет пойман. Комиссар проработал в полиции уже много лет, и за прошедшие годы его инстинкт сыщика обострился до прямо-таки сверхъестественной степени. Какой-то голос упорно нашептывал Папийону, что с нынешним случаем дело обстоит далеко не так просто, как кажется, а дальше будет еще сложнее. Однако покамест комиссар велел своему внутреннему голосу умолкнуть и вонзил в слугу испытующий взгляд, как раскрытый нож.

Итак, Николай Савельев. Мужчине сорок лет, из которых почти двадцать пять прошли на службе у графа Ковалевского. Тусклая, исполнительная, ничем не примечательная личность. Интересно, знал ли слуга о делишках своего хозяина? В делах следствия осведомленность прислуги частенько оказывается весьма кстати.

- Именно вы сегодня утром вызвали полицию. Верно?

- Да, господин комиссар.

– Однако сегодня уже четверг, а граф был убит в ночь со вторника на среду. Как вы объясняете это обстоятельство?

– Так я отбыл из города утром во вторник по распоряжению графа. – Савельев поторопился объяснить: – Он отправил меня сопровождать его младшего брата в Швейцарию. Тот собирался лечь в санаторий, и...

– Как зовут брата?

– Анатолий Ковалевский. У него чахотка, поэтому мой хозяин пожелал, чтобы я поехал с ним и убедился, что с ним все будет в порядке.

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

– Сам месье Анатоль, – удивленно ответил слуга. – Я могу дать адрес санатория, в котором он сейчас находится. Кроме того, господин граф говорил своему поверенному, господину Урусову, что я буду сопровождать месье Анатоля.

– Диктуйте адрес санатория, – распорядился комиссар. И когда с адресом было покончено, спросил: – А Урусов живет в Париже?

– Да, постоянно.

Затем Савельев объяснил, где можно найти адвоката.

– Ваш паспорт при вас?

– Нет, месье, я... я оставил его в особняке вместе со своим чемоданом. И билеты тоже там...

– У графа были другие слуги, кроме вас?

– Да, месье комиссар. Но... он всех рассчитал, кроме меня.

– Когда?

– С неделю назад.

Папийон нахмурился: очень интересно...

– Ваш хозяин не сказал, зачем это сделал?

– Э... К сожалению, у графа были некоторые финансовые затруднения, – почтительно ответил слуга. – Он также собирался продать яхту и особняк в Париже, намеревался перебраться в более скромное жилище. Помнится, даже попросил господина Урусова подыскать ему квартиру, и тот выполнил его желание. В понедельник они осматривали апартаменты на Елисейских Полях, которые графу понравились. Мы должны были переехать туда на этой неделе... – В глазах слуги показались слезы. – Простите, месье...

– Так граф не был богат?

Папийон сразу же сообразил, что совершил промах. Слуга распрямился на своем стуле и хлестнул собеседника негодующим взглядом.

– Право же, месье... Разумеется, его... его привычки требовали соответствующего образа жизни...

– Договаривайте, сударь, – тихо попросил Папийон. – Полагаю, вас не надо учить, что с полицией лучше быть откровенным... особенно если вы хотите, чтобы мы как можно скорее нашли убийцу.

Николай насупился.

– Полагаю, граф ни в чем не знал бы нужды, – наконец выдавил из себя верный слуга, – но развод обошелся ему очень, очень дорого.

Ага, подумал полицейский, значит, на момент своей смерти граф больше не был женат. Ну, что ж...

– Кто является наследником графа? Он оставил завещание? Вам что-нибудь известно?

– Мой хозяин, – с достоинством ответил Савельев, – не выносил разговоров о завещании. Говорил, что одно это слово несет в себе привкус смерти, и... Словом, завещания граф не оставил. А что касается наследников... Родители графа умерли, а детей у него не было. Есть, конечно, местье Анатоля, но тот, по правде говоря, совсем плох.

– Так, так, – подытожил Папийон, – кое-что проясняется. Совсем недавно граф уволил всех слуг, кроме вас, собирался переехать в другую квартиру, а особняк продать. Во вторник утром вы уехали с его братом, граф Ковалевский остался в доме один... и той же ночью был убит. Вы сопровождали местье Анатоля, вернулись сегодня утром... Давайте теперь поговорим о том, что вы увидели. Вы пришли домой пешком или...

– Нет, на вокзале я взял фиакр.

– Когда вы подъехали к дому, ничего не бросилось вам в глаза? Ничто не показалось подозрительным?

– Абсолютно нет, местье.

– Теперь я прошу вас как можно точнее описать свои действия с момента возвращения.

– Да что тут описывать, местье... У меня имелись ключи от парадного и черного хода. Чемодан был тяжелый, и я отправился напрямик к парадному... Господин граф не рассердился бы, да и потом он уже собирался продавать особняк... Отпер дверь. Внутри было тихо, и я подумал, может быть, господин граф еще спит... Я поставил чемодан в своей комнате и отправился к хозяину, чтобы рассказать ему о местье Анатоле, как он там устроился... Постучал в дверь... Граф не отвечал. Я переоделся, умылся, отправился в кухню, чтобы приготовить завтрак по-английски, как любит господин граф. На минуту выйдя из кухни, я заметил, что порыв ветра приоткрыл дверь черного хода. Мне это показалось странным, потому что мы всегда запираем замки.

– А до того вы не обращали внимания на эту дверь? – спросил комиссар.

– Нет. Видите ли, я совершенно точно помнил, как проверял ее перед отъездом. Она была заперта.

– Рассказывайте, что было дальше.

– Мне стало тревожно. Хотя завтрак еще не был готов, я поднялся наверх и постучал к графу снова. Было уже довольно поздно, и мне начало казаться странным, что хозяин не отвечает. Я постучал еще раз, потом отворил дверь и шагнул в комнату. Спальня большая, с порога не видно, спит граф или уже проснулся, – пояснил слуга. – Но едва я сделал два или три шага, как увидел... все это...

– Подробнее, пожалуйста, – тихо попросил Папийон.

Савельев с ужасом покосился на него.

– Я... я не могу... Помню только кровать... и на ней какое-то месиво, над которым летают мухи... и запах... – Рассказывая, слуга нервно сжимал и разжимал пальцы. – И потом я упал в обморок, хотя никогда не считал себя слабым человеком... Когда пришел в себя, пополз из комнаты на четвереньках, чтобы не видеть все это... И сразу же вызвал полицию.

– Вы хорошо знали, что где лежит у графа? Вы смотрели, может быть, пропало что-нибудь?

– Вы уже задавали мне этот вопрос там, в доме... но мне было слишком тяжело, простите... В гостиной не было на месте каминной кочерги, и вы ответили, что ничего удивительного...

В самом деле, мелькнуло у комиссара. Та ведь валялась на полу в спальне и являлась орудием убийства.

– А из спальни ничего не пропало? Граф что-нибудь там хранил?

– Хранил, да, – пробормотал слуга, – деньги... Но неужели вы хотите сказать, что мне придется снова?.. – Савельев не договорил.

– Теперь, когда вы немного успокоились, именно вам нужно все проверить, – сказал комиссар, поднимаясь с места. – Но не волнуйтесь, вы будете не один.

«Кроме того, – подумал Папийон, – не забыть бы взглянуть на его паспорт. Если там есть отметки о пересечении границы, дело упрощается...»

Возле особняка графа толпились любопытные, засыпая вопросами полицейского, который стоял возле дверей. Папийон неприязненно покосился на зевак, но тотчас же переключился на Савельева.

– Сначала вы покажете мне ваш паспорт, а потом мы проверим, что пропало.

Документ слуги был в образцовом порядке. Во вторник слуга пересек швейцарскую границу, а в четверг вернулся обратно. Однако Папийон, верный своим привычкам, внимательно изучил и билеты. Впрочем, с ними тоже все оказалось в порядке, и он вернул их Савельеву.

– Давайте теперь все внимательно здесь осмотрим, – предложил комиссар.

Щадя нервную систему преданного слуги, полицейский решил начать с гостиной. Однако Савельев подтвердил свои прежние слова, что в комнате все вещи на месте, кроме, разумеется, кочерги.

В библиотеке Николай задержался возле консоли, стоявшей недалеко от дверей.

– Что? – спросил комиссар.

– Одного предмета не хватает, – убитым голосом пояснил слуга. – Фигурки из севрского фарфора. Очень странно...

– Почему?

– Потому что рядом две китайские вазы, которые гораздо дороже, – сухо отозвался Савельев.

– Фигурка была большая? – поинтересовался комиссар, косясь на высокие вазы.

– Нет. Примерно такой высоты... – Слуга широко раздвинул большой и указательный пальцы.

– То есть сантиметров двадцать, – уточнил комиссар, занося данные в записную книжку. – Вот и ответ на ваш вопрос – видно, убийце было легче ее унести. У статуэтки были какие-нибудь особые приметы?

– Приметы? – с недоумением переспросил слуга.

– Я хочу сказать, в ней было что-нибудь особенное, чтобы украденную вещь можно было легко узнать? – поправился комиссар.

– А... Фигурка из фарфора изображает урок музыки: молодая женщина сидит возле арфы, за ней стоит учитель и объясняет ей ноты. Оба, учитель и ученица, в костюмах по моде XVIII века. Платье на женщине желтое. На основании фигурки, если ее повернуть, видна небольшая царапина.

– Заметная?

– Если рассматривать фарфор вблизи, то да. Но она стояла так, что царапины не было видно.

Папийон немного воспрянул духом. Дело оборачивалось банальным ограблением. Если еще что-нибудь пропало, конечно...

Да, но почему грабитель расправился с графом, который, судя по всему, спал и не мог ему помешать? Нет, тут определенно было что-то личное... И еще приотворенная дверь черного хода... Надо будет сказать эксперту, чтобы еще раз как следует осмотрел замок. Если его открывали отмычкой, то целью, скорее всего, было ограбление. Или нет? Черт, какое неприятное, запутанное дело...

– У кого имелись ключи от дома?

– У меня и у господина графа, – немного удивленно ответил слуга.

– Больше ни у кого?

– У слуг были ключи от черного хода. У консьержа Фино, повара Робена и горничной Соланж Грюйер.

- Когда граф Ковалевский их уволил, они отдали ключи?

- Да, разумеется.

Надо будет навести справки о бывших слугах, мысленно сказал себе Папийон. В конце концов, сделать дубликат ключа – несложная задача.

- Слуги сильно расстроились, когда их так внезапно рассчитали?

- Господин граф дал им всем наилучшие рекомендации и щедро заплатил. Нет, никто из них не был расстроен. – Савельев покосился на комиссара и решился на признание: – Знаете, слуги всегда его любили. Он был настоящий... – спохватившись, что во французском нет соответствующего слова, мужчина закончил по-русски: – Барин.

- Как вы думаете, кто мог совершить это убийство?

- Если бы я знал, сразу же сказал бы вам. Но то, что случилось, настолько чудовищно...

- У вашего хозяина имелись враги? Может быть, ему кто-нибудь угрожал?

- Господин граф был не таким человеком, которому можно угрожать безнаказанно, – с достоинством ответил Савельев. – Конечно, я могу допустить, что он кому-то был не по душе, но таких врагов, которые... словом, вы сами понимаете. Нет, таких врагов у него не было.

Они осмотрели еще несколько комнат и оказались в кабинете покойного.

- В нижнем ящике стола господин граф держал деньги, – сообщил слуга. – Не все, основную часть хозяин хранил в спальне.

Комиссар выдвинул ящик бюро, но увидел там только лежащую поверх бумаг фотокарточку молодой красивой женщины в высокой шляпке, украшенной цветами и большим бантом.

- Нижний ящик слева, я хотел сказать, – кашлянул Савельев.

- Что это за дама? – спросил Папийон. – Жена?

- Боюсь, господин граф не хранил карточек своей жены, – ответил слуга извиняющимся тоном. – Госпожа Туманова его... его знакомая.

Папийон вздохнул, задвинул правый ящик, выдвинул левый и промолвил с некоторым разочарованием:

- Здесь довольно много денег. И чековая книжка.

- Да, господин граф много играл, и... Хозяин предпочитал наличные.

- Вы сказали, он также хранил деньги в спальне?

- Да, месье.

- Ну что ж, идем в спальню.

Тело уже увезли в морг, орудие убийства изъяли как вещественное доказательство, но все прочее оставалось как было – постель, заляпанная почерневшими кровавыми разводами, и в помещении стоял тяжелый, удушливый запах, от которого делалось не по себе. Папийон не отрывал от лица слуги пристального взгляда. Савельев был очень бледен и упорно избегал смотреть туда, где утром нашел своего хозяина с разможенной головой.

- Так что? – спросил комиссар. – Может быть, вы проверите, на месте ли вещи?

Слуга поднял на комиссара мученический взор.

- Вроде бы все как было. Кажется... А что касается денег... они должны быть в верхнем ящике столика рядом с кроватью. Во втором, под ним, господин граф держал свои драгоценности. У него были золотые часы, несколько колец...

Савельев с мольбой смотрел на комиссара. Слугу всего трясло, мужчина был близок к обмороку.

– Ладно, – буркнул Папийон и сам подошел к столику.

Денег на месте не оказалось. Украшения и часы из другого ящика также исчезли.

Глава 5

Свидетельница

Когда Папийон вернулся в управление, он первым делом вызвал к себе Бюсси и спросил:

– Ну, что там Андреа?

– Вы же знаете этих корсиканцев, – с раздражением буркнул Бюсси. – Битый час с ним возжусь, а все плетет какую-то чепуху. Ни слова по делу не добился.

– Ладно, – вздохнул комиссар, – веди его ко мне. А тебе новое задание: нужно разыскать бывших слуг графа – консьержа, горничную и повара. Не исключено, что кто-нибудь из них может быть причастен к случившемуся.

Папийон вручил Бюсси листок, на котором значились все данные, которые Савельев сумел сообщить об уволенных Альбере Фино, Филиппе Робене и Соланж Грюйер.

– Что-нибудь прояснилось, шеф?

– Да. Пропали деньги и ценные вещи, так что это не только убийство, но и ограбление. Кстати, заодно объяви в розыск золотые часы. Задействуй осведомителей среди скупщиков и всех наших агентов. Часы не простые, на крышке инициалы П.К. русскими буквами. – Комиссар продемонстрировал рисунок Савельева, как именно выглядит гравировка. – Часы с такой монограммой[З - Отметим, что во французском языке буква «К» встречается крайне редко. – Здесь и далее примечания автора.] – редкая штука. Среди пропавших вещей также золотое кольцо с печаткой, на которой фигурируют те

же инициалы с графской короной. Что? – спросил Папийон, заметив разочарование на лице Бюсси.

– Да так, патрон, – усмехнулся молодой человек. – Я-то надеялся, у этого дела будет какая-никакая романтическая подкладка, а по вашим словам выходит, что тут обычное убийство из-за наживы.

– Не забывай, что вещи и деньги могли украсть для отвода глаз, – осадил помощника комиссар. – Теперь тащи сюда корсиканца.

Через минуту черноволосый красавец Андреа был приведен к Папийону и нехотя сел на край стула напротив комиссара. Впрочем, только в первое мгновение казалось, что у этого гибкого, улыбчивого и явно опасного малого внешность разбивателя сердец, во второе у вас уже руки чесались дать ему по физиономии, даже если никакого повода к тому не предвиделось.

– Здорово, красавчик, – сказал Папийон.

Андреа с иронией покосился на него. «А ты обрастаешь жирком, – подумал комиссар. – Вон, у тебя уже намечается второй подбородок. Дела, видно, идут хорошо. Да и почему бы им идти плохо? Любовь – прибыльный бизнес, если к ней относиться только как к бизнесу, конечно».

– Вы притащили меня сюда только для того, чтобы поздороваться со мной? – хладнокровно спросил Андреа. – Убийство русского вы мне не припаяете. Я его пальцем не трогал и не знаю, кто это сделал. Да и знать не хочу.

– Твои девицы метут подолами тротуар недалеко от его особняка, – вернул корсиканца на землю Папийон. – Мне нужны все, кто торчал на площади в ночь со вторника на среду. Ну?

– Почему бы вам самому не поговорить с ними? – предложил Андреа, криво усмехаясь. – Правда, их довольно много, и разговор может затянуться. А если девчонки еще начнут врать и выгораживать друг дружку...

– А почему бы твоему брату не стать библиотекарем? Ему еще долго отбывать каторгу за то, что ухлопал свою подружку, – вроде бы совершенно нелогично

заявил Папийон. Затем комиссар подался вперед: – Подумай, я могу попросить, чтобы его перевели в библиотекари. Там ему будет спокойнее, да и жить придется отдельно от остальных, а то ведь у него характер горячий, мало ли во что парень может ввязаться.

Андреа задумался. Потом буркнул, буравя комиссара тяжелым взглядом:

– Вы все обещаете...

– Ты меня знаешь, – веско сказал Папийон. – Если я обещаю, то делаю. Ну так что? Расскажешь, что тебе известно?

В кабинете повисло молчание. Было только слышно, как жужжит возле оконного стекла большая муха.

– У девок у всех язык без костей, – наконец подал голос Андреа. – Как только стало известно, что пришили богатого русского, Роза сразу же сказала, что видела его.

– Убийцу?

– Угу.

– Почему она так уверена?

– Шел дождь, и на площади было мало народу. Роза подумала, что, может быть, подцепит хотя бы его, но он прошел мимо. И девчонка видела, как мужчина подошел к особняку графа.

– Когда это было?

– Около полуночи. Потом у нее наметился клиент. А когда Роза вернулась на площадь, то увидела, как тот же человек идет обратно. Только не просто идет, а почти бежит. Ей уже тогда это показалось странным. Господин приличного вида, с чего бы ему бегать?

– Ну мало ли, – хмыкнул комиссар. – Может, боялся опоздать на последний омнибус?

Андреа с вызовом посмотрел на Папийона и, чеканя слова, веско произнес:

– У того типа была кровь на руке.

– И Роза разглядела ее в свете фонарей?

– Я же говорил вам, девчонка хотела его подцепить, – со смешком ответил Андреа. – Попыталась задержать, но мужчина ее оттолкнул, и у нее на рукаве осталось пятно, комиссар. Это действительно кровь.

– Твой брат будет библиотекарем, – объявил Папийон, снимая трубку. – Мерлен, зайди ко мне. Да поживее!

– Может, вам удастся немного скостить ему срок? – непривычным для него умоляющим тоном проговорил Андреа. – Вы же знаете, мой брат не просто так прикончил ту стерву. У нее случались приступы безумия, и когда она схватилась за нож... У него просто не было другого выхода!

– Красавчик, ну ты же сам прекрасно понимаешь, что четыре пули как-то многовато для самозащиты, – усмехнулся Папийон. Но заметил выражение лица корсиканца и добавил, прогнав улыбку: – Ладно, может, если он будет примерно себя вести, мне и удастся что-нибудь сделать... Давай говори, где искать твою Розу.

После ухода Андреа комиссар сделал два звонка по поводу его брата и, хмурясь, стал просматривать свои записи. Дело двигалось зигзагами, но тем не менее двигалось. Утром звонок по поводу зверского убийства, в доме – слуга, находящийся почти в невменяемом состоянии, допрос которого приходится отложить. Полицейский фотограф, весельчак Гадро, делает снимки при вспышках магния. Ажаны возле дома, весть об убийстве моментально облетает квартал, вскоре, само собой, собираются зеваки... О встрече просит молодой маркиз де Монкур, живущий на той же улице. Он только что узнал о гибели графа и, волнуясь, рассказывает, как во вторник вечером стал свидетелем ссоры между Ковалевским и молодым бароном Корфом, который в запальчивости обещал убить графа. Маркиз добавляет, что во вторник он покинул

автомобильный клуб одновременно с бароном, то есть около одиннадцати вечера. Комиссар едет туда, где живет Корф, беседует с консьержем, выясняет, что молодой человек в ночь со вторника на среду вернулся гораздо позже одиннадцати, и отправляется в дом Амалии. Далее – разговор с бароном... возвращение... слуга уже в состоянии говорить... пропавшие деньги и ценности... И, наконец, самое главное – свидетель, который видел убийцу. Все?

Нет, не все, нашептывал Папийону внутренний голос. Что-то с этим делом не так... не так... совсем не так! Хотя при поверхностном взгляде все кажется предельно просто... А, черт побери!

– Я привез ее, патрон, – докладывает молодой Мерлен, многообещающий сотрудник, которого перевели к ним недавно.

Парень не настолько смел, чтобы, как Бюсси, выдвигать свои версии и защищать их. Нет, пока он только впитывает, учится и мотает на ус. Кстати, усы, в подражание Папийону, юноша тоже пытается отрастить, но пока безрезультатно. Мерлен хорошо печатает на машинке, старателен и трудолюбив, но комиссар оберегает его от столкновения с самыми мрачными сторонами человеческой жизни. Пусть пока походит свеженький, всегда одетый с иголки наивный парнишка, полный надежд. У него впереди вся жизнь, чтобы загубить и стать таким, как он, комиссар Папийон.

Вот Мерлен вталкивает в комнату маленькую, узкогрудую рыжеватую женщину с типичным для жрицы любви напряженным выражением лица. На носу у нее несколько веснушек, возраст – выбирайте любой от двадцати до тридцати пяти включительно, глаза смотрят недоверчиво, с профессиональным прищуром.

– Садись, Роза... Андреа тебе уже все сказал?

Красотка бросает на полицейского слегка презрительный взгляд, достает дешевые папиросы и закуривает, даже не спрашивая разрешения. И Папийон не делает ей замечания. Пусть он комиссар, а Роза всего лишь маленькая шлюшка, в данный момент она главнее его. Потому что видела убийцу, и без ее показаний все его умозрительные заключения рухнут как карточный домик, как замок из песка, который съела пенящаяся волна.

– Да чего уж там, задавайте ваши вопросы, – роняет женщина.

Голос у нее хрипловатый, с характерными модуляциями – тоже обычный для жриц любви голос.

– Ты знала графа Ковалевского? – спросил Папийон после того, как стандартные вопросы об имени, возрасте и профессии свидетеля исчерпаны.

– Я с ним не спала, – тотчас перевела Роза разговор в понятную ей плоскость. Ее карие глаза насмешливо блеснули. – Он предпочитал другой тип, ему нравились брюнетки. Хотите подробностей – спросите у Викторины.

Верно, на портрете, что лежал в ящике стола, была изображена брюнетка. Однако сейчас комиссара интересовало совсем другое.

– В ночь со вторника на среду ты работала на площади?

– Да.

– И видела человека, который крутился возле особняка графа Ковалевского?

– Вы же знаете, что видела.

– Опиши, как он выглядел.

– Высокий, симпатичный. Военный.

– С чего ты так решила?

– Выправка, – презрительно бросила Роза, явно не любившая длинных фраз.

– Как он был одет?

– Темный плащ. Воротник поднят. Руки в карманах.

«Черт, отличный свидетель! – подумал комиссар в невольном восхищении. – Не то что некоторые, которые нагородят горы слов, и поди разберись в них. Нет, тут

все к месту, и каждое слово на вес золота».

– Головной убор?

– Без шляпы. Блондин.

– Может, ты и цвет его глаз успела запомнить?

– А то! Глаза голубые. Так и запишите.

Одно к одному – молодой барон Корф. О-хо-хо, бедная его мать! Нелегко ей придется, особенно когда в семью вцепятся газетчики...

– Когда это было?

– Около полуночи. Я только вышла на работу.

– Опиши, что именно мужчина делал.

– Подошел к особняку графа. Я уже тогда обратила внимание, что он не звонит, а словно чего-то ждет. Застрял у двери. Но тут меня отвлекли.

«Знамо дело, клиент подвернулся, некогда по сторонам глазеть, пусть даже поблизости режут хоть дюжину графов», – хмыкнул про себя полицейский.

– Когда ты вернулась на площадь?

– Через полчаса, чтобы не соврать. И тут вижу, он бежит обратно.

– Блондин с военной выправкой?

Роза молча кивнула, выпуская кольцо голубоватого дыма.

– Ты видела, как он выходил из особняка?

- Врать не буду, не видела. Но двигался оттуда, факт.

- У него были при себе какие-то вещи? Что-нибудь, чего не было, когда ты видела его в первый раз?

- Вроде нет. По-моему, руки у него были свободные.

- Что дальше?

- Ну, я хотела завести с ним разговор, но мужчина просто меня оттолкнул и побежал дальше. - Роза подняла левую руку. - Видите пятно на рукаве, над манжетой? Это он оставил, когда толкнул меня. Я пыталась стереть, да какое там. Кровь хреново смывается, факт.

- Ты раньше не видела этого человека?

- Нет, никогда.

- А могла бы его опознать?

- Без проблем.

- Больше той ночью не заметила ничего подозрительного? Может быть, кто-нибудь еще подходил к особняку, входил в него, выходил оттуда?

- Нет, ничего такого я не помню.

- Значит, никто, кроме блондина с военной выправкой, поблизости не вертелся?

- Никто.

Комиссар испытующе посмотрел на женщину.

- Ты понимаешь, что этому человеку грозит гильотина и что именно ты способна послать его на эшафот? Кому-нибудь еще, кроме Андреа, ты говорила, что видела его?

– Ну, может, паре девчонок, – фыркнула Роза. – А что? Хотите сказать, что он может кокнуть меня, как того графа?

– Я бы не стал исключать такую возможность, – хмуро ответил комиссар. – Поэтому прошу тебя быть поосторожнее. Может, тебе стоит на время оставить ремесло? И, пожалуй, неплохо будет переехать. Охрану я тебе обеспечу.

– Бросьте, комиссар, – усмехнулась Роза. Поискала глазами пепельницу и, не найдя ее, загасила сигарету прямо о столешницу. – Не на такую напали. Андреа меня в обиду не даст, да я и сама смогу за себя постоять. – Она задрала юбку и продемонстрировала комиссару нож в чехле, пришитом к подвязке. – А в сумочке у меня всегда револьвер.

– Тяжелая у тебя работа, – заметил Папийон не то сочувственно, не то со скрытой иронией. – Подпиши протокол. Вот здесь.

– И не говорите, работенка та еще, – вздохнула Роза. Криво расписалась и поднялась с места. – Круче, чем у вас, это факт.

И, посмеиваясь над собственной шуткой, женщина вышла из кабинета. А на прощание еще и сделала глазки Мерлену, который попался ей в коридоре.

Папийон вызвал двух из четырех своих агентов, считавшихся лучшими специалистами по слежке, и дал им наказ: заняться Розой и по очереди вести ее двадцать четыре часа в сутки. Когда дело было настолько серьезным, комиссар не полагался ни на чьи заверения, предпочитал рассчитывать только на себя и на ближайший круг своих помощников, который не превышал десятка человек. Что касается двух других специалистов по слежке, комиссар уже успел дать им поручение – не выпускать из виду главного подозреваемого, Михаила Корфа.

Глава 6

Версии

– Я принес вечерние выпуски, – доложил Казимир, входя в дом.

На него сразу налетели две взволнованные женщины и отобрали ворох свежих, вкусно пахнущих типографской краской листков. Развернув первую же газету, Амалия увидела на первой полосе, на самом верху, где обычно публиковали только самые громкие, самые важные новости, заголовок:

«Русское дело

Кровавое убийство аристократа в Париже»

Статью сопровождали две фотографии – особняка, в котором произошло преступление, а также господина средних лет с ухоженными усами – жертвы неизвестного убийцы. Лицо как лицо, со слегка прищуренными глазами, черты правильные – не за что зацепиться; увидишь такого месье на улице, и через мгновение его образ выветрится из памяти. Волосы, судя по всему, темно-русые, зачесаны назад, открывая высокий лоб, одежда выглядит безупречно. Жил человек, носил графский титул и сделал этот снимок у модного фотографа, не подозревая о том, что его изображение однажды увидит вся Европа – в сообщении о сенсационном убийстве... Амалия на ходу начала читать текст и едва не налетела на Александра.

– Саша! Ну что ты, честное слово...

Она вернулась в гостиную и села на первый попавшийся стул. Напротив нее устроилась взволнованная Аделаида Станиславовна. Строчки так и прыгали перед ее глазами: «Убит граф Павел Ковалевский, 36 лет от роду... следствие поручено знаменитому комиссару Папийону... деньги и ценные вещи исчезли, что позволяет предположить убийство с целью ограбления...»

– Слава богу, это ограбление! – вскричала старая дама, опуская газету.

– У них есть свидетель, – подала голос Амалия, дочитывавшая свою статью. – Неизвестно, кто именно, но журналисты уверяют, что некто видел человека, который выходил из особняка вскоре после убийства.

Александр, облокотившийся о спинку ее стула, прочитал несколько строк поверх ее плеча и нахмурился.

– Скажи, мама... неужели ты и впрямь думаешь, что он мог сделать это? Множество ударов каминной кочергой... да еще ограбление!

– Саша, в данном случае неважно, что думаю я, да и все мы, – с некоторым раздражением ответила Амалия. – Понимаешь, есть сумма фактов, которая выглядит крайне подозрительно: один человек поссорился с другим и пообещал его убить, а вскоре номер два был убит, у номера же первого нет алиби. – Амалия перевела дыхание. – И почему Миша секретничает? Что ему стоит просто сказать, что он был там-то и там-то? В конце концов, мы все взрослые люди!

– Может быть, боится тебя огорчить? – предположила Аделаида Станиславовна.

– Он должен понимать, что меня куда больше огорчает то, что в данной ситуации мой сын оказывается совершенно беззащитен перед законом, – вздохнула Амалия. – Саша, дай-ка мне телефон.

Сын выполнил ее просьбу. Баронесса сняла трубку и попросила соединить ее с номером Михаила.

– Алло, Миша... Ты видел вечерние газеты?

– Еще нет. А что, в них уже написали, что убийца – я?

– По-твоему, это смешно? – рассердилась Амалия. – Если Папийон тебя арестует, огласки не избежать! Ты хоть понимаешь, что тебе придется уйти из армии?

– С какой стати? Я никого не убивал!

– Мы тебе верим, но следствие не привыкло полагаться на слова. Может быть, ты скажешь наконец, где был с одиннадцати вечера до четверти третьего?

– Гулял.

– Где, по Парижу? Случаем не возле графского особняка, где кто-то той ночью видел убийцу?

– Я – не убийца.

– Кто-нибудь может подтвердить, где ты был и что делал?

– Мама, прости, я не могу продолжать разговор. Это бессмысленно.

Из трубки доносились гудки.

– Что Миша говорит? – взволновалась старая дама.

– Сказал – гулял, – сухо ответила Амалия. – Ему кажется, что все происходящее несерьезно, поскольку сам прекрасно знает, что никого не убивал. Хорошо бы и комиссар Папийон разделял его уверенность... Потому что, если он решит, что Михаил имеет к убийству отношение, нам всем придется очень туго.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – вздохнула Аделаида Станиславовна. – Прежде всего мы не знаем, кого именно видел свидетель. Да и вообще, может быть, никакого свидетеля нет, а его выдумали газетчики?

– Если бы это было обычное дело, – поморщилась Амалия, – я бы уже сейчас все знала от Папийона. Но теперь, когда он подозревает Мишу, ни слова мне не скажет.

Баронесса взяла другую газету и принялась читать сообщение о гибели графа, которое начиналось заверением, что столь громкое убийство наверняка станет делом века.

– А вот еще подробности, кстати. Убийца прихватил с собой деньги, драгоценности и какую-то фарфоровую фигурку. Зачем?

– Дорогая, не вижу смысла себя изводить, – примирительно сказала мать. – Ты же сама всегда говорила, что Папийон – один из лучших полицейских Франции. Может быть, просто предоставить ему разобраться с этим делом? Уж он-то наверняка рано или поздно все узнает.

– Кажется, месье Дусе интересуется балетом, – невпопад проговорила Амалия.

Ее мать и Александр переглянулись.

– При чем тут... – начал сын.

Но баронесса уже поднялась с места.

– Велите Антуану приготовить машину. Я спущусь через четверть часа.

К счастью, модельер был дома и сумел ее принять. В нескольких словах Амалия дала понять старому денди, что ее сыну угрожает большая опасность, и спросила, знает ли владелец модного дома, где живет мадемуазель Корнелли.

– Она снимает апартаменты на бульваре Османа, – кивнул Дусе и объяснил, где именно поселилась балерина.

– Вы не знаете, сегодня она выступает?

– Сегодня – нет, насколько мне известно. – И модельер добавил, испытующе глядя на баронессу: – Вы уже пытались поговорить с префектом?

– Боюсь, в данных обстоятельствах это будет истолковано не лучшим образом, – честно ответила Амалия. – К тому же я не настолько хорошо знакома с префектом, чтобы узнавать у него детали полицейского расследования.

– Его жена заказывает у меня платья, – задумчиво промолвил мужчина, – и... гм... подруга тоже. Если вам угодно, я мог бы попытаться навести справки через них.

– Вы меня чрезвычайно обяжете, сударь.

И Амалия улыбнулась самой очаровательной улыбкой, на которую была способна в это мгновение, когда ее сердце сжималось от тревоги.

От Дусе она напрямиком направилась к балерине, но той не оказалось дома. Консьерж сообщил, что мадемуазель Корнелли встает не раньше одиннадцати

утра, а возвращается не раньше часа ночи. Исключением являются только дни, когда объявлены matinees[4 - Утренние представления в театре (франц.)].

Вернувшись к себе, Амалия еще раз перечитала все имеющиеся в ее распоряжении газеты и задумалась. Слуга, обнаруживший тело, весь предыдущий день отсутствовал. С утра вторника граф был в доме один. Также в особняке не было никого, кроме него, и в тот момент, когда туда забрался убийца. Совпадение? Или человек, совершивший это преступление, был хорошо осведомлен обо всем, что творилось в доме Ковалевского, и выбрал самое удачное для нападения время? Но если целью было ограбление, почему тогда просто-напросто не дожидаться, когда граф отправится в клуб, и не ограбить пустой дом, абсолютно ничем не рискуя? Зачем вору убивать – ведь во Франции за убийство полагается смертная казнь?

Или главной целью злодея было все же убийство язвчатого и малоприятного аристократа, а все остальное – только для отвода глаз? Или, допустим, убийца вовсе не собирался грабить свою жертву, а сделал свое черное дело и ушел, деньги же и драгоценности впоследствии присвоил кто-то другой, к примеру, тот же слуга, который обнаружил тело?

Но если речь шла об убийстве, кому оно могло быть выгодно? Наследникам графа? Или тут замешано что-то личное, никак не связанное с деньгами? Кто... да, да, кто совсем недавно говорил при ней, что не следует спускать обиду, когда можно за нее покарать?

И до чего же скверно, что Михаил поссорился с графом и угрожал ему буквально за несколько часов до того, как...

«Стоп!» – сказала себе Амалия. Еще одно совпадение, как и в случае с домом, в котором нет слуг? Нет, господа, если совпадений слишком много, это уже система.

Решившись, баронесса пододвинула к себе громоздкий телефонный аппарат.

– Миша!

– Да?

Боже, какой у сына недовольный голос!

– Я хотела кое-чего спросить. Кто присутствовал при твоей ссоре с графом Ковалевским?

– Несколько членов клуба. А что?

– Назови мне их, пожалуйста.

– М-м... сейчас вспомню... Там был маркиз де Монкур, потом один промышленник, Фуре, и двое наших: Владимир Феоктистов и господин Урусов.

– Феоктистова я знаю, он родственник посла. А Урусов кто такой?

– Поверенный графа. Он пытался вмешаться и прекратить ссору.

– У кого-нибудь из этих людей были... скажем так, разногласия с графом?

– Что ты имеешь в виду?

– В данном случае – причину, по которой можно пожелать прикончить своего ближнего.

– Не думаю, чтобы у кого-то из них имелась такая причина. Урусов – хороший знакомый графа, они давно дружат. Феоктистов не являлся другом Ковалевского, просто изредка общался с ним в клубе, только и всего. Не могу себе представить, чтобы у него появился повод избавиться от графа. Фуре – буржуа до кончиков ногтей, добродушный, спокойный месье. Он сейчас увлечен автомобилями, ничего, кроме них, его не интересует. Как видишь, совсем не такой человек, чтобы кочергой проламывать голову спящему.

– Ты ничего не сказал о маркизе.

– Потому что это просто смешно. Если бы ты знала Монкура, то поняла бы, почему.

– Я его не знаю, так что расскажи мне о нем.

– Хорошо. В общем, он неплохой человек, но у него властная мать, и она испортила ему характер. Маркиз сделался таким суетливым, боязливым... Понимаешь, Монкур из породы людей, которые вечно тревожатся без всякого повода и постоянно пытаются всем угодить. Из-за этого его за глаза называют флюгером, хотя это не вполне справедливо. Просто ему не повезло с семьей, и...

Пауза.

– Что?

– Ты знаешь, я сейчас кое-что вспомнил. Граф недавно выиграл у него пятьдесят тысяч франков.

– Для обычного человека это огромные деньги. А как насчет Монкура?

– По-моему, для него тоже. Маркиз так и не смог выплатить свой долг.

– Теперь граф убит, и Монкур больше ничего ему не должен... – задумчиво промолвила Амалия. – Ты не знаешь, где он живет? Я хотела бы побеседовать с ним.

– Недалеко от графа, буквально через два дома от него живет, в желтом трехэтажном особняке.

А вот это очень и очень интересно. Уж не окажется ли истинная подоплека этой истории банальнее некуда? Монкур проиграл слишком много денег, занервничал, узнал, что граф остался в доме один, а тут еще ссора Ковалевского с Мишей... Одно к одному, и соблазн слишком велик! Всего-навсего и нужно-то, что забраться в дом к соседу и прикончить того, симитировав ограбление...

– Сколько лет Монкуру?

– Двадцать два, кажется.

– Можно его назвать нервным человеком, склонным к истерике? Может быть, чтобы он, пусть чисто теоретически, в сложной ситуации потерял голову и нанес спящему двадцать ударов вместо одного?

– Мама, ты требуешь от меня слишком многого, – вздохнул Михаил. – Я сказал тебе то, что думаю, и... и я понятия не имею, способен ли маркиз совершить столь гнусное убийство. Конечно, Монкур слабый человек и слишком много проиграл... но, черт возьми, это же не повод, чтобы действовать таким образом!

– К твоему сведению, людей убивали из-за куда меньших сумм, чем пятьдесят тысяч франков, – сказала Амалия. Баронесса поколебалась, но потом все-таки решилась и спросила: – Скажи, ты не хочешь перебраться к нам? Мы выделим тебе комнату, любую, какую хочешь. Просто у меня душа не на месте, когда ты не с нами. К тому же случилось такое...

– Мама, честное слово, ты зря беспокоишься, – проворчал сын, но по его голосу Амалия поняла, что он тронут. – Я не убивал графа, хотя первый готов признать, что тот был мерзавцем. А в ту ночь я просто решил прогуляться. В конце концов, есть у меня такое право?

«Уж не прогулялся ли ты до бульвара Османа?» – подумала Амалия. Но, зная характер сына, остереглась задать этот вопрос вслух.

В любом случае завтра она вплотную займется собственным расследованием. Если Михаил не хочет отвечать на ее вопросы – что ж, придется узнать ответы на них от других.

Глава 7

Запасная связка

– Момент для нападения был выбран очень точно, – сказал Папийон на совещании в пятницу утром. – Готовясь к переезду, граф рассчитал всех слуг, кроме своего личного камердинера. Но его он отправил сопровождать тяжелобольного брата – и таким образом остался в доме один. В четверг слуга

должен был вернуться, поэтому убийца, кто бы он ни был, понял, что ему надо действовать быстро. Согласно отчету врача, смерть графа наступила более чем за сутки до того, как было обнаружено тело, что приводит нас к ночи со вторника на среду. Последний раз графа видели живым около одиннадцати вечера во вторник, когда тот вышел из такси возле своего дома и расплатился. Водитель такси запомнил что-нибудь особенное, Мерлен?

– Нет. На всякий случай я спросил его, не видел ли он кого-нибудь возле особняка, не преследовал ли кто-нибудь их машину, но мужчина ответил отрицательно. Однако запомнил, что, когда отъезжал, граф сам отпирал входную дверь ключом.

– Разумеется, ведь в доме никого не было, – усмехнулся комиссар.

– А убийца не мог уже прятаться внутри? – высказал предположение Бюсси. – Допустим, он забрался в пустой дом, тут вернулся граф...

– Тогда изначально это все-таки не убийца, а грабитель, – ответил Папийон. – И к тому же дурак, если у него не хватило ума схватить цацки и затаиться, а потом, не потревожив графа, который вскоре лег спать, сбежать.

– А что, если грабитель произвел какой-то шум, граф прибежал и схватился с ним? Грабитель убил его, а потом перетащил в спальню.

– И где тут смысл? – Папийон пожал плечами. – Зачем терять время и устраивать совершенно бессмысленную инсценировку, когда в случае убийства самое благоразумное поскорее сделать ноги?

Молодые коллеги потупились, признавая правоту шефа.

– Кроме того, наши эксперты категоричны – нигде в доме нет следов убийства, кроме спальни, – добавил Папийон. – Итак, около одиннадцати вечера граф вышел из такси, расплатился, открыл дверь, поднялся к себе, почитал на сон грядущий газету «Фигаро» – ее нашли на столике возле кровати, а может быть, и не стал читать, сразу же лег спать. По словам слуги, его господин не любил ложиться после полуночи. Допустим, около полуночи Ковалевский уже спал. Вскоре в дом забрался некто, убил графа, забрал некоторое количество ценностей и ушел. Причем скрылся, судя по всему, через черный ход, ведь дверь

там позже обнаружили открытой. Весьма возможно, что и в дом убийца вошел там же. Наш эксперт Вердаль осмотрел замки парадного и черного хода и высказывается вполне категорично: следов отмычки нет, обе двери открывали только родными ключами. Окна в доме закрыты, и наши эксперты, осмотрев их, опять же заявили единодушно: проникновения через них не было.

Комиссар сделал крохотную паузу.

- Теперь переходим к показаниям Розы Тесье. Около полуночи женщина заметила человека, который вертелся возле особняка графа. Примерно через полчаса она увидела, что мужчина бежит обратно, и на руке у него была кровь. Судя по ее описанию, это вполне может быть русский офицер барон Корф, который поссорился с графом за несколько часов до того. Ну, у кого какие соображения?

- Все сходится, - объявил Бюсси. - Убийца - он.

- У меня есть сомнения, - подал голос Мерлен. - Откуда офицер взял ключ? Зачем ограбление? Как-то все это не вяжется. И потом, если убийца проник в дом через черный ход, то показания Розы не стоят ничего, потому что она видела мужчину возле парадного.

- Ага! - многозначительно молвил Папийон. - Но мы не знаем точно, через какую из двух дверей проник в дом убийца. Это раз. Второе: когда барон, если это и впрямь он, бежал обратно, в руках у него ничего не было. Куда он дел деньги, драгоценности и эту чертову фарфоровую статуэтку высотой сантиметров в двадцать, изображавшую урок музыки?

- Все просто: графа ограбил не он, - сказал Бюсси.

- Поясни, - попросил комиссар.

- Убийца проник в дом, чтобы разделаться с графом. Выполнил задуманное и бежал через черный ход. Дальше, может быть, уже в среду некто заметил, что дверь черного хода приоткрыта, вошел в дом, понял, что в нем нет ни единой живой души, украл деньги и вещи и был таков.

– Тогда у нашего грабителя стальные нервы, – усмехнулся Папийон. – Рыться в столе, когда рядом лежит такой труп... На месте грабителя я бы не стал соваться в спальню, а от греха подальше пошел в кабинет и поискал бы там в ящиках бюро.

– А что, если у грабителя хватило сообразительности украсть только фарфоровую статуэтку? – предположил Бюсси. – Барон же унес деньги и ценности. Для отвода глаз. А спрятал их в карманах, ведь нередко в плащах имеются очень вместительные карманы.

– А ключ? – упрямо спросил Мерлен. – Ключ у него откуда?

– Не знаю. А не мог он случаем украсть его у графа прямо в клубе?

– Это мысль, – одобрил Папийон. – Надо будет попросить слугу проверить, все ли ключи графа на месте. Бюсси, тебе удалось выяснить что-нибудь насчет уволенных слуг Ковалевского?

– Проверяю, патрон, но пока все чисто. Никто из них ни в чем криминальном не замечен.

– Продолжай проверку, – распорядился Папийон. – А ты, Мерлен, дуй-ка в автомобильный клуб. Мне нужно знать, во что барон Корф был одет, когда во вторник вечером уходил оттуда. Особое внимание обрати на головной убор.

– Понял, патрон!

– Если мы припррем его к стенке, нам нужны железные доказательства. На одном свидетельстве Розы далеко не уедешь. Я уж молчу о том, как его воспримут добропорядочные присяжные заседатели, которые будут разбирать дело в суде... Все, вы свободны.

Оставшись один, комиссар достал свои записи и задумался, но буквально через минуту его потревожил телефонный звонок. На связи снова был префект полиции Валадье.

– Комиссар, как русское дело? Продвигается?

– Прогресс есть, – подтвердил Папийон, который отлично знал, что с чиновниками самое лучшее – говорить их же излюбленными штампами.

– Газетчики как с цепи сорвались, – пожаловался префект. – Еще бы, давно ничего похожего на сенсацию не было, а тут такое громкое убийство... Вам известно, что брат покойного уже пообещал через газеты награду тому, кто поможет полиции отыскать убийцу?

Папийон даже поперхнулся от раздражения.

– Господин префект, это же кошмар!

– О чем вы, господин комиссар?

– Теперь все парижские сумасшедшие будут нас осаждать своими сообщениями, что они когда-то что-то видели! До чего же это некстати...

– Комиссар, я вас не узнаю. Лично я вполне понимаю месье Анатоля. Люди опасаются иметь дело с полицией, но когда им дают понять, что они могут немного заработать, тогда может выясниться что-нибудь важное...

– Комиссар! – В дверь просунулась голоса Мерлена. – К вам слуга графа. Впустить?

Не то чтобы Папийон предвкушал особое удовольствие от разговора с Савельевым, но он с радостью ухватился за предлог завершить беседу с префектом. И, буркнув, что у него срочное дело, швырнул трубку на рычаг, скомандовал:

– Давай его сюда.

Николай Савельев вошел и, даже не успев сесть, сказал, что у него есть для комиссара важная новость.

– Я вас слушаю, – кивнул Папийон.

– Мне все не дает покоя дверь черного хода, – признался слуга.

«Не тебе одному», – усмехнулся про себя комиссар.

– Хорошенько все обдумав, я решил, что убийца мог проникнуть в дом этим путем и, вероятно, так же уйти. Поэтому я стал проверять, на месте ли ключи от черного хода.

Мужчина сделал эффектную паузу.

– И? – поторопил его Папийон.

– Всего у нас семь ключей от черного хода: три были у уволенных слуг, один у меня, один у господина графа, и два запасных, которые хранятся в ящике комода. – Савельев вздохнул. – Так вот, господин комиссар, запасные ключи оказались на месте, равно как и полученные от слуг. Мои тоже у меня, и я никому их не давал. А ключа, который был у господина графа, на месте нет.

В доказательство своих слов Савельев извлек из кармана небольшую связку ключей, снабженную щегольским золотым брелоком.

«Так что же, – изумился комиссар, – получается, Бюсси прав?»

Но сначала он решил выяснить кое-какие детали.

– Ваш хозяин носил при себе ключи от черного хода?

– Иногда. Видите ли, у него было две связки. Одна, так сказать, основная, а эта – запасная. Здесь ключи, которыми он пользовался редко или только в определенных случаях. Вот, например, ключ от секретера. Этот – от лакового бюро, но хозяин никогда его не запирает. Дальше – от несгораемого шкафа, который находится в Петербурге, еще эти четыре – от каюты хозяина и других помещений на яхте. Следующий – от нашей петербургской квартиры. Рядом с ним висел ключ от черного хода, но сейчас его нет.

– А этот от чего? – спросил комиссар, показывая на последний ключ на связке.

От него не укрылось, что Савельев слегка замялся.

– Полагаю, графу уже не будет вреда, если я скажу... – пробормотал верный слуга. – От квартиры госпожи Тумановой, с которой хозяин встречался.

– Она была его любовницей?

– Да. Дама жила отдельно, чтобы не афишировать отношения с графом. Дело в том, что госпожа Туманова замужем.

– В каких именно определенных, как вы сказали, случаях месье Ковалевский брал с собой данную связку? – поинтересовался комиссар. – Когда встречался с госпожой Тумановой, например?

– Разумеется. Или когда полагал, что ему может понадобиться по какой-то причине вернуться через черный ход. Например, когда отмечали именины господина Урусова, я видел, как граф взял с собой эту связку.

– Зачем?

– Хозяин сказал, что Урусов не жалеет выпивки, – с видимым отвращением к несообразительности полицейского ответил слуга, – и ему не хотелось, чтобы его видели соседи, если он... э... выпьет больше положенного.

Комиссар задумался.

– Скажите, а во вторник господин Ковалевский мог взять с собой вторую связку ключей?

– Думаю, мог. Граф же знал, что в доме никого не будет. Вдруг ключ от парадного хода сломается, к примеру...

Или если господин граф выпьет больше положенного, dokonчил про себя Папийон. Машинально он взял связку и стал перебирать ключи. Что-то подспудно беспокоило его, но пока ему не удавалось сообразить, что именно.

– Нет, просто потерять ключ нельзя, – подал голос Савельев, который совсем иначе истолковал манипуляции и задумчивость полицейского. – Видите, какое прочное кольцо, на котором они все держатся? Его могли только украсть.

Ну да, ну да, разумеется... Папийон усмехнулся своим мыслям.

- А скажите-ка мне вот что... Вы знаете барона Корфа? Михаила Корфа?

- Да, мне знакомо это имя.

- Он часто бывал дома у графа?

- В Париже или в Петербурге?

- В Париже, разумеется.

- Никогда.

Хм, любопытно. Хотя, с другой стороны, что мешало барону догадаться, что в особняке графа есть черный ход? Тоже еще невидаль, такие двери есть почти во всех парижских домах...

Итак, Корф повздорил с графом и взбесился, так как тот дал ему понять, что не станет драться на дуэли. Тут барон некстати вспомнил, что его враг сейчас в доме один, ведь граф, возможно, при нем кому-то говорил об этом... Офицер украл в клубе ключ и пошел сводить счета. Бродил возле особняка, потому что не мог решиться, потом отправился к черному ходу... Убегал в ужасе от совершенного им преступления, оттого и все мысли о двери вылетели у него из головы, вот и не запер ее за собой.

Не запер... Какого черта! Вовсе не дверь важна сейчас, а ключ! Как же он сразу не понял, не додумался, не догадался?

- Скажите, раз уж вы, по-видимому, все знаете о жизни своего хозяина... На том ключе от черного хода была какая-нибудь надпись? Ну, мол, это ключ от черного хода...

- Нет, месье.

- Может быть, он как-то выделялся?

– Я бы не сказал, месье... Ключ как ключ.

Вот так-то. После свидетелей в сыском деле нет ничего важнее деталей, и всегда прежде всего надо проверять именно их.

Если Корф не дружил с графом и не был знаком с его привычками, откуда ему знать о второй связке? И о том, что граф вообще носит с собой ключ от черного хода? Не всегда носит, кстати сказать! И как он мог распознать на связке почти одинаковых ключей тот, что был ему нужен? Как? Как?

Или комиссар не прав, и барону кто-то успел рассказать о привычках графа и второй связке? Кто именно? При каких обстоятельствах?

– Благодарю вас, – сказал Папийон. – Вы задали мне интересную задачку!

– Я считал, что должен рассказать вам все, что может помочь, – искренне ответил слуга, и комиссар невольно устыдился своего излишне ироничного тона. – Кроме того, я в любом случае собирался идти к вам. Потому что получил телеграмму от месье Анатоля по поводу похорон... Он уполномочил меня распорядиться насчет перевозки в Россию тела. Если мой бедный хозяин... если господин граф вам больше не нужен... – слуга запнулся.

– Я полагаю, вы можете забрать тело, – кивнул Папийон, подумав. – Время смерти и ее причина уже установлены, так что нет нужды в дополнительных изысканиях. – Он немного поколебался. – Скажите, а месье Анатолий не сможет приехать в Париж? Я хотел бы задать ему несколько вопросов о его брате.

– Боюсь, что у месье Анатоля не то здоровье, чтобы сейчас предпринимать путешествие в Париж, – дипломатично ответил слуга. – Он очень болен, и из-за вестей о брате его состояние вовсе не улучшилось. Скажу вам откровенно, если бы это зависело от меня, я бы вообще предпочел его не беспокоить, но он бы и так узнал все из газет...

– Скажите, а братья ладили между собой?

– Вы имеете в виду, были ли между ними дружеские отношения?

– И это в том числе.

– Как вам сказать... – Савельев вздохнул. – Месье Анатолий был в семье любимцем, в отличие от старшего брата. Сами понимаете, что графу такое положение было не очень по душе, и они с братом нередко ссорились. Однако когда месье Анатолий заболел, господин граф забыл все разногласия и принял в нем большое участие. Платил докторам, за пребывание в санаториях... и за все остальное тоже.

– Остальное?

– Карточные долги месье Анатолия. Он ведь тоже был азартный игрок. И... и не пренебрегал другими развлечениями. Их мой хозяин тоже оплачивал.

Однако не слишком веселая жизнь была у погибшего аристократа, подумал Папийон. Жена при разводе чуть не пустила бывшего супруга по миру, младший брат – транжира и туберкулезник... Да еще попался на его пути мстительный барон Корф, с которым он поссорился, переоценив свою безнаказанность, и который, вероятно, убил злоречивого шутника.

Глава 8

Очевидцы ссоры

В пятницу утром Амалия прежде всего отправилась в посольство и попросила встречи с российским послом, князем Д. От нее не укрылось, что ее приняли не сразу, а когда она увидела лицо князя, последние сомнения баронессы развеялись окончательно.

– Чрезвычайно неприятное дело, – промямлил князь, упорно избегая ее взгляда. – Я знал покойного Павла Сергеевича, знал его семью, и кто бы мог подумать...

Посол умолк, скорбно покачав головой, и Амалия поняла, что князь в курсе расследования, которое проводит Папийон, и что ее сына уже считают

виновным. Или, по крайней мере, основным подозреваемым. И хотя знала, что ее слова не произведут никакого впечатления, она все же не удержалась – сказала, что Михаил не может быть причастен к этому жуткому преступлению.

Князь покосился на нее, и баронесса чем угодно поклялась бы, что в то мгновение он подумал: «Все матери преступников так говорят».

– Кажется, Михаил Александрович собирается на неделе возвращаться в Петербург? – светским тоном осведомился посол.

Это уже был прямой намек на то, что ее сыну лучше всего уехать, пока подозрения полиции не обратились в уверенность. И на лице князя отразилось неудовольствие, когда Амалия ответила, что Михаил пока не намерен никуда уезжать.

– Разумеется, вы можете рассчитывать на наше содействие в любых обстоятельствах, – добавил посол. – Будем надеяться, что полиция отыщет убийцу и что им окажется какой-нибудь слуга или апаш[5 - Прозвище парижских бандитов.].

Сие означало: а если преступником окажется ваш сын, мы, сударыня, будем вам чрезвычайно признательны, если вы не станете впутывать нас в столь дурно пахнущее дело.

Амалия покинула особняк, кипя от сдерживаемого гнева. Впрочем, это был не последний визит, который она собиралась нанести сегодня, и она призвала себя к порядку, чтобы не терять ясность мысли. А затем самой себе скомандовала: «Теперь – к Феоктистову!»

К счастью, молодой человек не стал испытывать ее терпение и сразу же согласился принять посетительницу. Баронесса окинула его внимательным взглядом. Чистенький, свеженький, приятный брюнет, который постоянно улыбается и которого наверняка обожают его мать, вредная богатая тетка, если таковая имеется, слуги, женщины и собаки. И, хотя Владимир не позволил себе никаких намеков, она почему-то была уверена, что гибель графа только позабавила смешливого юношу с таким положительным лицом.

– Да, – подтвердил Феоктистов, – я видел, как ваш сын поссорился с графом. Барон даже хотел дать ему пощечину, но граф перехватил его руку.

Амалия нахмурилась: о пощечине Миша не упоминал. Значит, ссора была и впрямь серьезной.

– Кто еще слышал их перепалку?

– Георгий Иванович. Он сразу кинулся их разнимать.

– Вы имеете в виду...

– Господина Урусова. Еще неподалеку находился маркиз де Монкур, который тарасил глаза и не понимал, что происходит. Я стал ему объяснять, мол, ничего особенного, просто господин барон пообещал убить графа, да вовремя одумался, тем более что Павел Сергеевич объявил, что дуэлей не признает. По-моему, маркиза глубоко возмутила эта ссора, – беспечно прибавил Феоктистов.

– А вас?

– Меня?

– Да, какое впечатление она произвела на вас? Только честно, – добавила баронесса с улыбкой.

Владимир вздохнул.

– Честно? Что ж, хорошо. Так вот, граф умел быть приятнейшим собеседником, когда хотел. Но иногда на него находило, и он становился невыносимым. Однако не могу представить себе, чтобы его убили из-за этого.

«А ты все-таки не ответил на мой вопрос, – подумала Амалия. – С другой стороны, все и так понятно. Граф Ковалевский не нравился людям. Интересно, почему?»

– Кроме вас, Урусова и Монкура, кто-нибудь присутствовал при ссоре?

– М-м... Месье Фуре невидалеке дремал в кресле, делая вид, что читает газету, и перебранка его разбудила. Не думаю, впрочем, что он понял, о чем шла речь, ссорились-то по-русски.

«Монкур тоже не понял, однако ему ты все объяснил, – отметила про себя баронесса. – Любопытно...»

С другой стороны, почему она думает, что графа убил некто, кто слышал ссору и сообразил, как использовать ее в своих целях? Мало ли кому Феоктистов, Урусов и Монкур могли проболтаться о конфликте графа Ковалевского с Михаилом... Да и Фуре тоже, по правде говоря. На каком бы языке ни говорили рядом с вами, вы всегда сумеете понять, что собеседники ссорятся – их выдают интонации, жесты и выражение лица.

– Лично вы кому-нибудь говорили во вторник о ссоре?

– Вы имеете в виду, до того, как убили графа? Нет, никому.

И Амалия поняла, что молодой человек, вроде недалекий с виду, ухватил нить ее рассуждений и прекрасно понимает, в каком направлении она пытается вести следствие. Что было не очень приятно, поскольку Амалия, как и любой другой сыщик, не любила, когда ее планы становились явными. Однако она пересилила себя и улыбнулась.

– Кто, по-вашему, мог это сделать?

– Вы говорите об убийстве? Понятия не имею, госпожа баронесса, – ответил Феоктистов, пожимая плечами и глядя на нее совершенно хрустальными, честными глазами.

– Я спросила, кто мог сделать, а не кто сделал, – тихо напомнила Амалия.

– По-видимому, кто-то небогатый, кто имел к графу личные претензии, причем достаточно серьезные, чтобы убить его и вдобавок ограбить, – без колебания ответил молодой человек. – Скажем, какой-нибудь слуга, у которого он увел женщину. Я, конечно, фантазирую, понимаете? Тот, кому позарез нужны были деньги и кто ненавидел графа. Но, боюсь, никакого конкретного кандидата у

меня нет.

– А граф пользовался у женщин большим успехом? – продолжила с любопытством Амалия.

– Как вам сказать, сударыня... – Феоктистов вздохнул. – Я бы сказал, его боготворили прачки, горничные и... всякие такие особы... Я правильно понимаю, что вас интересует все, даже сплетни?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О дальнейшей судьбе мадемуазель Лантельм можно прочитать в романе «Девушка с синими гортензиями», издательство «Эксмо».

2

Эту историю прочитайте в романе «Золотая всадница», издательство «Эксмо».

3

Отметим, что во французском языке буква «К» встречается крайне редко. –
Здесь и далее примечания автора.

4

Утренние представления в театре (франц.).

5

Прозвище парижских бандитов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/verbinina_valeriya/odna-noch-v-venecii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)